



ПИТЕР ДЖЕЙМС

БЕСТСЕЛЛЕР # 1

АБСОЛЮТНОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

УБЕЙ, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ
УМРИ, ЧТОБЫ УДЕРЖАТЬ

Питер Джеймс. Убийственно крутой детектив

Питер Джеймс

Абсолютное доказательство

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Джеймс П.

Абсолютное доказательство / П. Джеймс — «Эксмо»,
2018 — (Питер Джеймс. Убийственно крутой детектив)

ISBN 978-5-04-099766-4

Всемирно признанный мастер острого сюжета Питер Джеймс писал этот роман почти 30 лет. Потому что это не просто триллер. Это попытка ответа на один из самых важных вопросов в жизни человека. Как изменит нашу жизнь пришествие реального Бога? Ведь быть верующим – это одно, а **АБСОЛЮТНО** точно знать, что Бог есть, – совсем другое... А ведь журналист Росс Хантер чуть было не пропустил телефонный звонок, который изменил его жизнь – и, возможно, судьбу всего мира – навсегда... «Меня зовут доктор Гарри Ф. Кук. Как ни странно, недавно я получил абсолютное доказательство бытия Божия; мне сказали, что есть писатель, уважаемый журналист по имени Росс Хантер, который поможет добиться того, чтобы ко мне отнеслись серьезно». Каковы же последствия абсолютного доказательства существования Бога? В этом случае фатально пострадают интересы многих очень важных людей. Да что там – под удар ставятся все мировые религии! И так будет – если Росс Хантер проживет достаточно долго, чтобы представить людям это абсолютное доказательство... **ДОКАЗАТЕЛЬСТВО – ВРАГ ВЕРЫ?**

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-099766-4

© Джеймс П., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	30
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	43
Глава 14	44
Глава 15	46
Глава 16	49
Глава 17	51
Глава 18	55
Глава 19	56
Глава 20	59
Глава 21	62
Глава 22	65
Глава 23	69
Глава 24	73
Глава 25	77
Глава 26	80
Глава 27	84
Глава 28	85
Глава 29	87
Глава 30	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Питер Джеймс
Абсолютное доказательство

Покойному Гарри Никсону

Глава 1

Январь 2005 года

Бар в центре Лос-Анджелеса был сушей дырой – под стать настроению Майка Дилейни. Возле стойки нашелся лишь один свободный табурет. Дилейни втиснулся туда – между самозабвенно целующейся парочкой средних лет и здоровенным мужиком в клетчатой рубашке, джинсах и рабочих ботинках, с полупустым стаканом бурбона.

Опустившись на потрескавшееся кожаное сиденье, Дилейни поймал взгляд бармена и заказал себе пиво. Над стойкой орал телевизор – футбольный матч; на футбол никто не обращал внимания. Выпивоха в клетчатой рубашке поднял голову и уставил на Дилейни налитые кровью глаза.

– Эй, а я тебя знаю, – протянул он нетвердым голосом. – Ты же тот парень из телика! Точно-точно! Давненько тебя не видел...

Бармен поставил перед Дилейни пиво.

– Сразу заплатите или откроете счет?

– Счет, пожалуйста.

– Наличными или кредитной картой?

Смотри-ка, и эта забегаловка идет в ногу со временем!.. Дилейни молча достал из потрепанного бумажника кредитку, выложил на стол.

– Ты ведь тот фокусник, верно? – продолжал пьянчуга. – «Волшебник Микки»?

– Помнишь мое телешоу?

– Конечно, помню. Еще бы. Дрянь редкостная!

– Ну, спасибо, друг.

– Нет, правда! Это когда было-то? Лет десять назад?

– Около того.

– Ну да, ну да... – Выпивоха одним глотком прикончил свой бурбон. – Чушь собачья, смотреть невозможно! Неудивительно, что его прикрыли.

Дилейни, не отвечая, сделал большой глоток пива.

«Да уж, ничего удивительного», – мысленно ответил он. Неудивительно, что шоу прикрыли; неудивительно, что агент час назад послал его ко всем чертям.

– Знаешь, что я тебе скажу, приятель? – так начал Эл Сигел. Говорил он по телефону из своего щеголеватого кабинета в Уилшире. – Пора признать: лучше не будет. Ты – динозавр, Микки. Ты безнадежно устарел. В твоём деле сорок лет – конец карьеры, а тебе под шестьдесят. Хватит уже. Видит бог, я честно за тебя бился, но... сам видишь, что вышло. Отправляйся на пенсию, уезжай в Палм-Спрингс, в гольф там играть или еще что-нибудь... Все, извини, у меня другой звонок, надо ответить. Слушай, мне жаль, правда, но так устроен мир. Мы с тобой друг друга поняли, да?

«Так устроен мир». Да, черт возьми, Майк Дилейни прекрасно его понял. Еще бы не понять! Все верно: в Голливуде сорок лет – уже старость. В «Замке Чудес», былом его приюте, сейчас нет ни одного фокусника старше тридцати. И последнее выступление, которое организовал ему агент – на вечеринке у кинозвезды в Бель-Эйр, – Дилейни безнадежно провалил. Забыл сценарий, сбился, а потом пригрозил врезать какому-то идиоту, который над ним заржал.

– Знаешь, что я тебе скажу? – не отставал пьянчуга. – Только не обижайся, лады? Фокусы твои – полное дерьмо! – И вновь подняв на него взгляд, добавил: – Да и выглядишь ты как полное дерьмо.

«И чувствую себя так же», – мысленно добавил Дилейни.

Пьянчуга щелкнул пальцами, подзывая бармена.

– Еще «Джим Бим», двойной, со льдом! – Он опять повернулся к Дилейни. – Да еще и пиво хлещешь... Пиво – это же для слабаков!

– И что с того?

Бармен поставил перед пьянчугой новый высокий стакан, до краев наполненный виски с кубиками льда.

– Бросай ты эту ослиную мочу и переходи на крепкое. Твое здоровье, фокусник!

Пьянчуга поднял стакан, отхлебнул – и почти сразу выплюнул.

– Твою мать! – заорал он на бармена. – Ты что мне принес? Я же сказал «Джим Бим»! А это никакой не виски – это гребаное пиво!

Престарелый бармен, похожий на долговязого грустного журавля, покачал головой.

– Прошу прощения, мистер, – невозмутимо отвечал он, – но вы ошибаетесь. Может быть, вам уже достаточно?

– Да говорю тебе, это чертово пиво! Ты что, отравить меня решил?

Бармен достал полупустую бутылку виски и показал ему.

– Я наливал вот отсюда.

– Да? Ну-ка налей еще!

Нахмурившись, бармен достал чистый стакан, начал наливать туда «Джим Бим»... и разинул рот, увидев, как стакан заполняется до краев и переливается через край густая снежная шапка несомненного пива.

Майк Дилейни усмехнулся и промолчал.

Глава 2

Апрель 2005 года

Пятничное утро для Росса Хантера началось с похмелья – и с торжественной клятвы больше не пить по четвергам. Таковую же клятву давал он себе на прошлой неделе. И две недели назад. Да, собственно, каждую пятницу с тех пор, как полтора года назад устроился младшим репортером в «Аргус».

О том, насколько сегодняшняя пятница будет отличаться от всех предыдущих, он пока что не ведал.

Росс Хантер, недавно отметивший двадцатитрехлетие, был высоким, спортивным, с коротко стриженными темными волосами и очень серьезным лицом. Складывалось впечатление, что он постоянно что-то обдумывает. Обычно. Не сейчас. Не так-то легко думать, когда башка раскалывается, словно в нее воткнули топор!

Росс со стоном сполз с кровати и пошлепал в ванную в поисках парацетамола. «Опять!» – бичевал он себя. Опять! Ну что ж такое! Каждый четверг он говорит себе: только одну рюмочку, чтобы не обижать коллег, – и каждый четверг на бровях приползает домой из паба «Коуч-хаус» в центре Брайтона.

Одна из причин этому – Имоджен Картер из криминального отдела. Пить Имоджен умеет здорово, в пабе засиживается допоздна и вроде бы мало-помалу поддается на его ухаживания... или так только кажется...

«В общем, спасибо за еще одно чудесное похмелье, Имо, – мрачно думал Росс. – И за то, что дала посмотреть, как в четвертом часу утра садишься в такси рука об руку с чертовым Кевином Флетчером из отдела спорта».

Из Школы журналистики в Голдсмите Росс вышел, полный надежд. С блестящей карьерой пока не задалось, но все же работал он в солидной, уважаемой местной газете. Пусть и младшим репортером, которого посылают освещать все что угодно: пожары, автокатастрофы, внезапные детские смерти, судебные слушания, благотворительные ярмарки и даже, за неимением лучшего, дни открытых дверей в местных школах. Так что работой своей Росс был в целом доволен. Даже по пятницам. Ничего, сейчас разомнется как следует в спортзале, а потом прокатится на работу на велосипеде, вверх по холму – это прочистит голову... Облачаясь в спортивный костюм и зашнуровывая кроссовки, Росс слушал местное «Радио Сассекса» и от души надеялся, что сейчас услышит какую-нибудь потрясающую новость, такую, репортаж о которой сделает его знаменитостью и поможет попасть на первые полосы национальных газет.

Проглотив несколько таблеток и запив их водой, Росс вошел на кухню своей крохотной квартирki на третьем этаже дома по Портленд-роуд. С первого этажа плыл пряный запах какого-то индийского блюда; от него к головной боли присоединилась тошнота. Росс откусил пару раз от банана, запил яблочным соком – стало немного лучше. Бросил взгляд на листок-напоминалку, приклеенный к кухонному столу: «День рождения папы: отправить открытку». «Ага, потом», – сказал он себе. Спустился вниз, пройдя мимо своего велосипеда в холле, и вышел в темноту, под морозящий дождь.

Десять минут трусцой – и Росс уже входит в гимнастический зал. Помещение, пропитавшееся неистребимым запахом пота, несмотря на ранний час, не пустовало. Кто-то бежал по дорожкам, кто-то качался на тренажере, кто-то занимался с тренером. Оглушительно гремела из динамиков музыка «Куин». Росс шагнул на кросс-тренажер, включил дисплей и начал обычную двадцатиминутную разминку.

Ускоряя шаг, он следил за показаниями пульса – 110... 120... 130... и вдруг услышал голос. Голос своего брата Рикки. Громко, отчетливо, словно из-за спины – брат звал его.

Как такое возможно? Рикки живет в Манчестере, за двести шестьдесят миль отсюда. Стажируется в управлении отелем. По телефону они общаются редко, хотя вчера Рикки прислал «мыло» с предложением обсудить, какой подарок выбрать отцу на шестидесятилетие.

А в следующий миг Росса словно током ударило. Закружилась голова, как на какой-то сумасшедшей ярмарочной карусели. «Что со мной? – думал он в панике, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание. – Недостаток сахара? Или сердечный приступ?»

Стены вокруг пошли ходуном, тренажеры расплылись в бесформенные серые пятна...

Его засасывало в бесконечный темный тоннель. Все вокруг плясало; он отчаянно вцепился в рукояти тренажера, чтобы не упасть. Где-то вдалеке возник свет, с каждой секундой становящийся все ярче. Перед глазами замелькали образы. Зародыш. Младенец. Лицо матери. Лицо отца. Летящий мяч. Учитель у доски. Моя жизнь, понял вдруг Росс. Это моя жизнь проносится перед глазами.

«Я умираю?!»

Миг – и Росса окутал теплый успокаивающий свет. Целый океан света. Он качался на сияющих волнах, а над ним выплыло из тьмы лицо брата.

– Все хорошо, Росс, правда? У нас все хорошо? Мы с тобой крутые?

Рикки. Брат-близнец, которого Росс, откровенно говоря, терпеть не мог. В Рикки его раздражало все – то, как он выглядит, говорит, ест, смеется. И неудивительно: смотреть на него было все равно что в зеркало.

Говорят, близнецы с рождения связаны нерасторжимыми узами. Близки друг другу, как никто иной. Ничего подобного Росс никогда не чувствовал; напротив, сколько себя помнил, он не выносил брата. Должно быть, еще и потому, что родители всегда любили Рикки больше, а тот, идиот, этого даже не замечал.

При первой возможности Росс сбежал из дома – подальше от Рикки. В другой город, в другой колледж. Было искушение даже имя сменить.

А теперь брат качался перед ним на волнах света, отчаянно протягивая к нему руки – и Росс пытался дотянуться до него, но не мог; волны уносили брата прочь, как уносит неосторожного пловца бурный прибрежный отлив.

– Росс! – В голосе Рикки звучало почти отчаяние. – Мы с тобой крутые, правда?

– Да, мы с тобой крутые! – ответил Росс.

В ослепительной вспышке свет поглотил его брата... и погас.

Все изменилось вдруг. Росс вновь ощутил запахи – пота, ковра, чьих-то невымытых волос. Услышал грохот музыки. Над ним склонялись лица. Сердце отчаянно колотилось.

– Эй, что с вами?

Росс в панике оглядывался. Он умер? Или все-таки нет?

Кто-то помог ему встать, довел до скамьи и усадил. Мускулистый мужчина – тренер, понял Росс – протянул пластиковый стаканчик с водой.

– Вот, выпейте.

Он покачал головой, все еще пытаясь понять, что с ним произошло.

– Перетренировался? – спросили над головой.

– Нет... нет, я... – Росс умолк, не зная, какими словами объяснить происшедшее.

– Может, врача вызвать?

Он снова помотал головой.

– Нет-нет, я в порядке. Правда. Уже все хорошо. Наверное, нужен сахар или еще что-нибудь такое...

– Не вставайте, посидите несколько минут.

Через минуту ему принесли чайную ложку меда, и Росс покорно его проглотил.

– Вы диабетик? – участливо спросил кто-то из персонала.

– Нет, я... нет.

Только через десять минут он смог встать, ни за что не держась. Еще раз заверил, что с ним всё в порядке, и отправился домой, не обращая внимания ни на промозглый холод, ни на дождь. Подъем по лестнице на третий этаж дался ему с таким трудом, словно Росс взбирался на высокую гору.

В спортзале он сказал, что чувствует себя отлично. Вранье: ему было худо, как никогда. Пошатываясь, Росс ввалился к себе в квартиру... и в этот миг в кармане зазвонил сотовый телефон. Он взглянул на экран – незнакомый номер.

Нажал кнопку:

– Алло!

– Росс? Господи, это Росс? – Женщина на том конце захлебывалась рыданиями.

Синди, узнал он ее. Девушка Рикки.

– П-привет, – с трудом проговорил Росс. – Синди? Что стряслось?

Она разрыдалась и несколько секунд не могла вымолвить ни слова.

– Рикки...

– Что?

– Только что позвонили из полиции. Рикки бегал в парке, и на него упало дерево. Полчаса назад. Дерево. Его раздавило. Сказали, умер на месте. Господи, Росс, Рикки больше нет!

Глава 3

Июль 2009 года

Годы бомбардировок и уличных боев превратили все гостиницы Лашкаргаха в развалины, а персонал их – те, кого не успели вырезать талибы – давно разбежался. Считалось, что ездить сюда не стоит: журналистов здесь нередко похищали, нескольких казнили. Те представители международной прессы, что все же отважились сюда приехать, ютились в палатках на краю города – на огороженной и укрепленной территории базы сил коалиции в провинции Гельманд.

Журналистам советовали, насколько возможно, сливаться с местностью. Отпускать бороды, носить серо-коричневое, не ходить поодиночке, и в особенности – отправляясь куда-то без сопровождения, не надевать жилеты с надписью «Пресса». Не стоит подсказывать талибам, кого тут стоит украсть, говорили им.

«Похоже, я оказался в преддверии ада», – написал Росс Хантер жене через пару дней по приезде. Точнее, написал-то в первый день, но отправить эсэмэску удалось далеко не сразу. Со связью здесь было так же хреново, как и со всем прочим. В отличие от прочих, в зону боевых действий Росс попал в первый раз – и от души надеялся, что в последний. Солнце заволакивал постоянный дым от артиллерии и горящих зданий, в воздухе стояла густая вонь разлагающихся трупов, канализации и пороха. Гул вертолетов заглушал крики муэдзинов, по пять раз в день призывающих мусульман на молитву. Но хуже всего был неотступный страх.

Сейчас Росс сидел на матрасе у себя в палатке, скреб отрастающую бороду – она постоянно чесалась – и набирал на ноутбуке, подключенном к Интернету через спутниковую связь, очередной репортаж для «Санди таймс». Словно мало было тревог и физических неудобств, мучало Росса и еще одно: он ощущал себя кем-то вроде обманщика.

Год назад он опубликовал хвалебную статью о своем бывшем однокласснике: этот парень несколько лет назад потерял на войне оба глаза и правую руку, однако живет полноценной жизнью, женился, стал отцом двоих детей и даже катается на лыжах. В заключение шли трогательные слова о героизме современных британских солдат – героизме, о котором, увы, слишком мало знает широкая публика.

Среди высоких армейских чинов эта статья вызвала восторг; Росса немедленно пригласили побывать в зоне боевых действий и увидеть все своими глазами. Однако были отклики и совсем иного сорта. Росс получил множество электронных писем от военных всех чинов и специальностей – одни называли свои имена и звания, другие предпочитали остаться анонимными – с ужасными историями о том, как правительство Британии бросает солдат на произвол судьбы, а сокращение военного бюджета и, соответственно, нехватка и плохое качество техники ведет ко множеству смертей, которых можно было бы избежать.

В «Санди таймс» подготовили необходимые документы и отправили Росса на обязательные трехдневные курсы в Хертфордшире под названием «Выживание во враждебном окружении». Оттуда он вылетел кружным путем, на военном самолете «С-130 Геркулес». Родную газету попросил об одном: не печатать об армии ничего критического, пока он не вернется. Ссориться с людьми, которые будут отвечать за его безопасность, Россу совсем не хотелось.

А критиковать было что – в этом Росс убедился очень скоро! С собственными солдатами британское правительство обращалось хуже, чем со скотом. Длинный список безобразий включал в себя нестреляющие винтовки, автомобильную броню, не спасающую от мин, и полное отсутствие сигнальных маячков, предотвращающих потери от так называемого дружественного огня.

В последней своей заметке Росс процитировал – по просьбе информанта, анонимно – офицера в достаточно высоком чине: тот сказал, что действующая армейская техника оста-

ется на уровне 1980-х. А в довершение всего государство не оказывало почти никакой поддержки раненым, в том числе и тем, кто получил на войне страшные увечья и стал инвалидом. Обо всем этом писал сейчас Росс, стараясь не прислушиваться к отдаленным – а иногда и не столь отдаленным – взрывам, одиночным выстрелам и автоматным очередям, вспарывающим тишину ночи.

Все военкоры из разных стран знали друг друга, общались как старые приятели, и Росс среди них чувствовал себя чужаком. Прикомандированный к нему фотограф тоже принадлежал к этой компании. Целыми днями резались они в выдавшие виды карты под вентилятором, без толку гоняющим туда-сюда горячий влажный воздух. Еще одна беда – тяжелая, влажная жара. Росс исходил потом, постоянно чувствовал себя липким и грязным – хоть и принимал по несколько раз в день холодный душ. Вот уже две недели ему не удавалось толком поспать. Он был совершенно измотан и не знал, что достает сильнее: жара, недосып или постоянный тошнотворный страх.

Но сейчас, когда на мониторе возникали одна за другой фразы нового репортажа, все эти чувства перевешивало другое. Ярость.

Сегодня Росс стал свидетелем зверств талибов. Он видел тела женщин и детей, изнасилованных и зарезанных. В одном доме, куда вошли они с солдатами, с потолочной балки свисал повешенный старик, а под его ногами лежала обнаженная юная девушка с перерезанным горлом. Выжила только жена старика – сумела спрятаться в шкафу. Военные услышали ее плач. Она повторяла лишь одно слово – для Росса его перевели: «Почему?!»

Где же был Бог, думал Росс? Развлекался, любуясь на эту бойню?

Здесь, в Афганистане, где людскому горю и жестокости нет конца, Росс начал думать, что у Бога на редкость извращенное воображение. Похоже, Он создал вселенную лишь для того, чтобы было кого мучить. Или чтобы посмотреть, до каких зияющих пропастей бесчеловечности смогут дойти созданные им люди.

В темные ночные часы, когда заснуть не удавалось, Росс доставал наушники и слушал музыку. Это куда приятнее, чем прислушиваться к разрывам и гадать, не упадет ли следующий снаряд на твою палатку. Имоджен – они поженились два года назад – подобрала ему для поездки плейлист из любимых групп: «Марун 5», «Зе Фрей», «Кайзер Чифс» и тонны любимого кантри-энд-вестерна – Дэвид Аллан Коу, Уилли Нельсон, Пэтси Клайн.

В ночь перед нападением Росс написал ей – как писал каждый вечер:

Люблю тебя, детка! Не хочу, чтобы ты была здесь – никому здесь быть не стоит, – но думаю о тебе днем и ночью. Пробовал читать сборник «Поэты войны», что ты мне дала, – не смог, слишком грустно. Особенно это: «Коль я умру, знай вот что обо мне...»¹ Ведь он и вправду умер. Ты мне снишься по ночам. Видел сегодня ужасное... Как люди могут творить такое?

Люблю тебя, ХХ

На этот раз, к большому его облегчению, СМС-сообщение отправилось с первой попытки.

* * *

Дата следующего дня навечно отпечаталась у Росса в мозгу. Пятница, семнадцатое июля. Силы союзников наконец ощутили вкус победы. «Талибан» отступал. Два боевых расчета отправились на зачистку городских районов, откуда вытеснили талибов накануне. Журнали-

¹ Первая строка стихотворения Р. Брука «Солдат», пер. А. Рытова. – Здесь и далее прим. пер.

стам на брифинге объявили, что это хорошая возможность поехать поснимать зверства «Талибана» – однако, добавили им, стоит опасаться снайперов.

Росс обсудил это с фотографом Беном Хейнсом, многоопытным ветераном, побывавшим на нескольких войнах, – и вдвоем они решили, что в окружении двадцати солдат из Международных сил безопасности ООН, не считая местных военных и проводников, риск будет относительно невелик. Росс еще ни разу не был непосредственно там, где идет война; его снесало любопытство, да и для карьеры, понимал он, это будет очень полезно.

В семь утра двинулись в путь по разрушенному городу. Над развалинами, словно гигантские тараканы, низко кружили вертолеты; во влажном утреннем воздухе стояла трупная вонь. Росс и Хейнс облачились в камуфляж, шлемы и бронежилеты под накидками с яркой, отчетливой надписью «ПРЕССА» спереди и сзади.

Шли долго, не встречая на пути ничего, кроме выбеленных, выгоревших на солнце стен, испещренных следами пуль, разрывами снарядов и гневными надписями. Все произошло внезапно. Стоило выйти из переулка на просторную рыночную площадь, как со всех сторон на них обрушился шквал огня.

Засада!

На несколько секунд Росс застыл, словно прирос к месту. Испугаться не успел – в этот момент ему было любопытно. Затем пуля разнесла голову местному, стоявшему рядом, и в воздух взметнулся фонтанчик крови и мозгов. Где-то неподалеку раздалась граната. Грохот – и военные, журналисты, фотографы разом попадали на землю. Снова грохот – и по земле покатила оторванная голова с широко раскрытыми глазами и разинутым, словно в изумлении, ртом.

Бен – он снимал, скрючившись над своей камерой – вдруг тонко, пронзительно вскрикнул и начал кататься по земле, словно какой-то безумный дервиш.

Обезумев от страха, Росс отчаянно озирался вокруг. Стреляли словно сразу со всех сторон: с крыш одноэтажных домов, из окон. Слева от себя он увидел высокое здание, сильно пострадавшее от бомбежек, с пустым проемом на месте двери – бывший банк. Бросился туда. Вокруг гремели выстрелы, сухо чиркали по пыли и камням мостовой пули. Он вбежал в темное помещение банка. За спиной продолжалась стрельба.

Росс оглянулся.

И встретился взглядом с Беном Хейнсом.

Тот лежал, скорчившись, на камнях; под боком у него натекла уже целая лужа крови. Камера валялась рядом. Бен пытался ползти, пытался дотянуться до камеры, но не мог.

– Росс! Помоги мне! Помоги! Помоги, ради Бога! – кричал он отчаянно, с мукой и ужасом в голосе.

Вокруг лежали военные, репортеры, фотографы: одни – неподвижно, другие корчились или пытались ползти.

Снова загремели выстрелы – и некоторые из тех, кто двигался, застыли.

– Росс! – вопил Хейнс. – Господи! Помоги мне!

Не раздумывая, Росс бросился назад. Бежал под огнем, зигзагами, как учили его на курсе выживания – забыв об опасности, думая только о том, чтобы спасти товарища. Однако, когда он был от фотографа всего в нескольких ярдах, раздалась автоматная очередь. Хейнса затрясло, как тряпичную куклу. На одежде его появились разрывы. Шлем слетел, а секунду спустя отлетел и окровавленный кусок скальпа; Хейнс уронил голову наземь и затих.

Потрясенный, в ужасе, Росс бросился назад, в банк. За спиной гремели выстрелы, пули с чирканьем чертили дорожки в пыли перед ним и позади него. Что-то сорвало с него шлем. Острая боль пронзила правую ногу. Уже вбежав в здание, Росс вдруг ощутил, что по голове как будто молотом ударили, и пошатнулся. Каменный пол бросился ему навстречу. Ударил в лицо.

Надо встать.

Надо встать!

Снаружи уже виднелись фигуры в чалмах, с блестящими стволами автоматов. Они бегут сюда!

Безостановочно гремели выстрелы.

Забыв о боли, пригибаясь и петляя, Росс бросился внутрь здания. Промчался мимо столов с компьютерами, покрытыми пылью, заваленными всяким мелким мусором. За кассой упал на четвереньки и пополз к дальней стене. Замер, прислушиваясь. Нога горела так, словно в нее воткнули раскаленную спицу, раскальвалась от боли голова.

Новый яростный грохот автоматной очереди снаружи – а за ним вдруг наступило благословенное молчание.

Шагов не слышалось.

Тошнотворная слабость охватила Росса. Подняв глаза, он увидел, что потолок над головой кружится. Пол снова ринулся в лицо... и опустилась тьма.

* * *

Он не знал, сколько времени провел без сознания. Пробудил его писк. Открыв глаза, Росс обнаружил в полумраке перед собой усатую морду крысы размером с кролика.

– Пошла вон! – прошипел он.

Зверек скрылся во тьме.

Откуда-то издали донесся взрыв.

Что случилось? Машину подорвали? Еще одну?

Голова гудела, во рту и в глотке было сухо, как в пустыне. Страшно хотелось пить. Росс привстал на колени и прислушался, постепенно припоминая, что произошло. Засада. Он спрятался за кассой. Потом – тишина. Росс попытался встать – и обнаружил, что не может наступить на правую ногу. В ботинке хлюпала кровь. Убирая волосы с лица, он нащупал что-то липкое. Поднес пальцы к лицу – они тоже были в крови.

Теперь все вспомнилось ясно – и Росс вздрогнул.

«Я выжил!»

Медленно, осторожно он сел, выглянул из-за стола. Издали донесся крик муэдзина, призывающий к молитве. Снаружи, в дверном проеме догорали последние лучи заката.

Росс взглянул на часы. 19.30. Черт, было ведь всего семь утра, когда... когда...

Он с трудом поднялся на ноги, хромая, добрался до выхода и выглянул наружу. Повсюду трупы: солдаты коалиции, журналисты в накидках с надписью «Пресса», талибы – все лежат вповалку на пыльной земле. Росс не мог отвести глаз от мертвого фотографа – того, что весь этот страшный месяц был его товарищем.

От Бена Хейнса.

Над телами уже роились мухи.

Росс хотел выйти, но в этот миг услышал голоса.

Он застыл на месте.

Голоса становились громче. Приближались.

Росс бросился назад. Пробежал мимо пустых столов с компьютерами. Толкнул дверь в задней стене – увидел каменные ступени, ведущие вниз. Захлопнул за собой дверь, торопливо задвинул железный засов и заковылял вниз по лестнице. Один этаж, другой... В подвале было не так жарко. В конце пути Росс обнаружил приоткрытую массивную дверь стального сейфа.

Всего несколько секунд понадобилось ему, чтобы потянуть тяжелую дверь на себя, проскользнуть в сейф, затем, светя себе телефоном, поискать внутренний замок. Однако изнутри сейф не запирался – и Росс просто как можно плотнее прикрыл дверь за собой.

Стоя здесь, прижавшись к стене, он торопливо перевел телефон в беззвучный режим – на всякий случай, хоть мобильной связи здесь и не было.

Сердце гулко билось в груди, заглушая все прочие звуки. Прижав ухо к крошечной щелке между дверью и косяком, Росс различал наверху какое-то движение – и с трепетом ожидал, что враги вот-вот начнут ломать запертую им дверь.

Но ничего не слышал.

Дрожа всем телом, он взглянул на экран мобильного. На его последнее сообщение Имоджен так и не ответила. Не дошло?

В ушах до сих пор звенел отчаянный, пронзительный крик фотографа. Перед глазами стояло, как Бен катается по земле – и как отлетает в сторону окровавленная кожа с его головы. Росс кусал губы, борясь с тошнотой. Наконец он почувствовал, что стоять больше не может, и опустился на голый каменный пол внутри сейфа. Голова раскалывалась. Чертовски болела нога. И страшно хотелось пить – с самого утра у него не было во рту ни капли.

Сняв ботинок и носок, в свете фонарика на телефоне Росс осмотрел свою ногу. Пуля прошла ступню насквозь, в паре дюймов от пальцев: входное отверстие выглядело так себе, выходное – еще хуже. Ощупав голову, Росс обнаружил небольшую ранку над правым виском.

Выходит, его дважды задело?

Где-то в здании должны быть туалеты, подумал он. И кухня. Там можно найти воду, а если повезет, даже аптечку. Попозже, когда снаружи станет тихо, он выберется отсюда и отправится на поиски.

А пока свернется клубком на полу и поспит.

Но заснуть надолго Россу не удалось. Через десять минут он проснулся оттого, что что-то ползло у него по лицу.

Глава 4

Июль 2009 года

«Неужели здесь я и умру? Один, в темноте, с крысами?»

Россу снилась вода. Много воды. И еда – самая простая: яичница, яблочный пирог, жареная картошка, бургеры с сыром, щедро политые кетчупом.

Проснулся он в полной темноте. Телефон разрядился – остались только часы с подсветкой. Росс дрожал и чувствовал, что у него поднимается температура.

В этот миг он вспомнил о брате.

Росс часто вспоминал о Рикки, и воспоминания эти всегда были окрашены сожалением и чувством вины. Вскоре после гибели брата он столкнулся как-то случайно с его старым школьным другом, Джимом Бэнтингом. Тот рассказал: Рикки знал, что Росс его не любит, и никогда не понимал, почему.

Здесь, во тьме, среди крыс, наедине со своими мыслями, Росс снова и снова мысленно возвращался к брату – и с горечью думал о том, как был к нему несправедлив. Думал и о теле Бена Хейнса, гниющем на жаре там, наверху. Пройди пуля чуть иначе – и на его месте оказался бы Росс. А может, сделай он что-то другое – и смог бы спасти Бена?

Прошлой ночью Росс поднялся по лестнице, осторожно приоткрыл дверь – и услышал снаружи чужую речь. В панике он бросился обратно, забыв запереть за собой засов. В горле было сухо, как в пустыне, губы слиплись, язык казался чужим. Голова прошла, зато осмотрев в слабом свете часов рану на ноге, Росс обнаружил там гной. Началось заражение. Если быстро не обработать рану, он умрет от сепсиса, здесь, в темноте, один. Необходимо промыть рану и чем-нибудь перевязать – и как можно скорее.

Вдруг острая боль пронзила правую руку. Росс открыл глаза – и увидел два красных глаза в темноте.

Крыса. Его укусила крыса!

– Убирайся! – рявкнул он и, пошатываясь, встал. Правая нога горела огнем. – Пошла вон!

В этот миг наверху послышался шум.

Шаги.

Росс застыл на месте.

Черт! Он слишком громко закричал – и выдал себя!

Шаги приближались. Медленные, осторожные. Вниз по лестнице. Ступень. Еще ступень.

Все ближе к нему.

Шаг. Еще шаг.

Все ближе.

Росс распластался, прижавшись к стене.

Еще ближе.

Шаг. Другой.

«Думай, думай! – говорил себе Росс. – Ублюдок здесь один. Прыгнуть на него. Застать врасплох...»

Шаги все ближе.

Человек снаружи нерешительно потянул тяжелую дверь сейфа. С усилием открыл ее.

Росса трясло от страха.

Раздался голос – робкий детский голос:

– Эй!

Он снова нажал кнопку подсветки на часах – и увидел маленького мальчика. Мальчика в лохмотьях, с серыми от пыли волосами. Тот изумленно и испуганно смотрел на Росса.

– Привет, – сипло сказал Росс. – Все хорошо, не бойся.

– Англичанин?

– Угу.

– «Талибан» уйти. Уйти! – сообщил мальчик и, повернувшись, побежал по ступеням вверх.

Росс выждал несколько мгновений, размышляя: а вдруг это ловушка? Впрочем, честно говоря, ему было уже все равно. Пусть делают с ним, что хотят, лишь бы накормили и дали воды.

Снаружи было светло. Мальчик, размахивая руками, выбежал на улицу. Росс захромал за ним – пригибаясь, стараясь держаться в тени, огибая столы и иногда на них натываясь. Добравшись до дверного проема, выглянул наружу.

Все тела убрали. На ярком солнце чернела пятнами запекающаяся кровь. Впервые на памяти Росса вокруг стояла почти полная тишина. Но мгновение спустя раздался рокот мотора и металлическое лязганье. На площадь выкатился танк. «Челленджер-2», узнал его Росс. Одна из немногих приличных машин на вооружении британской армии.

Хромая, размахивая белым носовым платком, Росс бросился к нему.

Танк остановился перед ним. Люк открылся, оттуда высунулась голова в шлеме.

– Подвезти, приятель? – поинтересовался танкист с неподражаемым выговором кокни.

– До Лондона не подбросите?

– Запрыгивай! Включаю счетчик!

Росс кое-как добрал до танка, однако забраться в люк у него не хватило сил. Танкист и механик вышли и ему помогли.

– Пресса? – поинтересовался танкист. Он был брит наголо, на правой стороне черепа распротер крылья татуированный орел.

– Угу, – выдохнул Росс.

– Из какой газеты?

– «Санди таймс».

– А, эта!.. Давно бросил ее читать. Чушь собачья. Только лапшу на уши вешают, верно?

Росс улыбнулся в ответ. Спорить он сейчас не мог.

– Что они понимают! Им надо сюда поехать, сечешь? Своими глазами увидеть, как тут всё!

– У вас воды не найдется? – попросил Росс.

Глава 5

Июль 2009 года

Десять дней спустя – четыре из них он провел в госпитале, а остальные дожидался вылета – Росс наконец вернулся в Англию на армейском самолете. Приземлился в военном аэропорту Брайз-Нортон в Оксфордшире. Вылетел на день раньше, чем ему обещали, и решил не предупредить Имоджен – сделать сюрприз. Она ждала его лишь завтра.

Вскоре после полудня он вышел из поезда в Брайтоне. Моросил дождь. Росс поймал такси, первым делом остановил его у цветочного магазина и купил огромный букет цветов, затем – у винной лавки, где приобрел бутылку «Вдовы Клико», любимого шампанского Имоджен.

Около трех часов дня такси остановилось перед довольно обшарпанным четырехэтажным домом неподалеку от «Семи циферблатов». Здесь, на верхнем этаже, жил Росс с женой. Он заплатил, дал щедрые чаевые, выгрузился и – с вещмешком, цветами и шампанским – вошел в знакомый подъезд, с вечным запахом сырости и гремящей на первом этаже музыкой.

Как странно оказаться дома! Есть в этом что-то сюрреалистическое. Как будто все прошедшие недели обернулись просто дурным сном. Но нет – о том, что все это реальность, напоминал шрам на голове, напоминала боль в ноге и хромота. И ужасы, что являлись ему, стоило закрыть глаза.

Росс взглянул на часы. Имоджен – она сейчас вела сайт интернет-магазина в Брайтоне – должно быть, на работе и вернется через пару часов. Значит, будет время принять душ, побриться, поставить цветы в вазу, а шампанское – в ведро со льдом. До чего не терпится увидеть Имоджен! Сжать ее в объятиях, с облегчением возвращаясь к нормальной жизни. Заняться любовью – как же давно они этого не делали! А потом просто разговаривать, долго-долго. Рассказывать об ужасах, встретившихся ему в Афганистане – и о том, как он преодолел все, потому что думал о ней. Потому что больше всего на свете хотел к ней вернуться.

А вечером, быть может, они отправятся отпраздновать его возвращение в какой-нибудь индийский ресторанчик – ведь оба любят пряную индийскую еду...

Росс преодолел три лестничных пролета, добрался до верхнего этажа, открыл дверь своим ключом. Шагнул в прихожую с книжными полками у стен, услышал музыку. «Зе Фрэй» – одна из тех групп, записи которых дала ему с собой Имоджен. Странно. Выходит, она дома?

Он вошел в гостиную – и обнаружил на кофейном столике открытую бутылку вина и два полупустых бокала. На диване валялась кожаная куртка. И покрой, и размер явно не женский.

Росс нахмурился.

Музыка доносилась откуда-то из глубины квартиры.

– Имоджен! Милая! – позвал он.

Слова застряли у него в горле, и внутри вдруг похолодело.

Он поставил на пол вещмешок и шампанское, положил цветы. Снова вышел в прихожую и направился к спальне. Музыка доносилась оттуда – и вместе с музыкой он теперь различал и другие звуки. Стоны.

Мгновение поколебавшись, Росс толкнул дверь.

И увидел, как его жена, совершенно голая, с выражением блаженства на лице, оседлала здорового бородатого мужика и подпрыгивает на нем, и небольшие округлые груди ее подсакивают в такт.

А потом Имоджен увидела мужа.

Глава 6

Девять лет спустя

Среда, 1 февраля

Старик пробирался во тьме по холмистым склонам Сомерсета. Тяжелый груз лежал у него на сердце – груз всей человеческой истории. Вечная борьба добра и зла. Любовь Божья, гнев Божий – и насмешки Сатаны.

Не замечая глаз, внимательно следящих за ним в бинокль ночного видения, старик шел по высокой мокрой траве, ведомый лишь слабым светом фонарика, координатами GPS в телефоне и сознанием важности своей миссии.

Судьба призвала его сюда.

Ноги его давно промокли, пронзительный ветер залетал под тонкий плащ и леденил до костей. Холод липнул к коже припаркой из мокрых листьев. С собой старик нес металлодетектор и лопату.

Было три часа ночи.

Над его головой быстро неслись тучи. Порой в их прорехи проглядывал холодный, равнодушный свет полной луны – и в этом свете старик различал невдалеке от себя, справа, на вершине холма смутные очертания полуразрушенной башни. Ощущалось в этой ночи нечто неестественное – словно в старом голливудском фильме. Как в той сцене, где Грейс Келли и Кэри Грант мчатся в открытом автомобиле, и мимо проносятся пейзажи, однако прическа у обоих остается безупречной – волосок к волоску.

Впрочем, о старых фильмах он сейчас не вспоминал. Он думал только об одном.

О своей миссии.

Сегодня начинается его путешествие. Он стар, слаб и не ведает, сколько ему осталось. Слишком долго он ждал Зова – так долго, что уже начал терять надежду. Но Зов явился – как бывает всегда, странным и таинственным путем.

Ему сказали: есть еще один человек, тот, кто ему поможет. Однако этого человека он пока найти не смог – а время утекало, как вода сквозь пальцы, так что старик решил действовать один.

Воздух, напоенный энергией, щекотал кожу; о чем-то шептал ветер, но старик не понимал его язык. Он вдыхал сладкий запах травы. Где-то рядом послышался пронзительный визг. Лиса поймала кролика; визг оборвался на жалобной ноте и затих.

Постоянно меняющиеся координаты в телефоне старик сверял с другими, записанными на клочке бумаги. Ближе... еще ближе...

Почти пришел!

Старик остановился, шумно переводя дыхание; несмотря на промозглый холод, он весь вспотел. Долгих два с половиной часа заняла дорога сюда. Потом – утомительная прогулка вдоль ограды, в поисках места, где можно было бы проникнуть внутрь через забор. Перчатки он забыл в машине, но решил за ними не возвращаться.

Снова достав из кармана клочок бумаги, старик взгляделся в координаты, выведенные мелким, чуть дрожащим старческим почерком.

51°08'40»N 2°41'55»W

Он на месте!.. В этот миг тучи разошлись, и с неба озарил старика холодный и ясный лунный луч. Словно кто-то там, наверху, подавал ему знак.

Все верно! Ты нашел то, что искал!

Сжав замерзшими, шишковатыми от артрита пальцами рукоять лопаты, он принялся лихорадочно копать – так быстро, как только мог. Вывернул подмерзший ком земли, отбросил

его в сторону. На обнажившейся темной почве шевелились черви. Старик снова вонзил лопату в землю.

И тут его ослепил яркий свет, явившийся словно из ниоткуда. Не луны, не его слабосильного фонарика – нет, свет мощного фонаря. Даже двух. И голос – сердитый мужской голос:

– Эй! Эй, ты!

Старик повернулся. Яркий свет на мгновение ослепил его; заморгав, он осветил вперед собственным фонариком. Луч выхватил из тьмы растерянную физиономию молодого полицейского в форме, а рядом с ним – разъяренного мужчину средних лет в куртке на меху.

– Он здесь, – проговорил старик. – Здесь, где я копаю. Прямо у меня под ногами!

– Что вы, черт побери, тут вытворяете? С ума сошли?

– Я спасаю мир.

– Вломились на частную территорию, что-то тут роете...

– Пожалуйста, послушайте меня!

– Нет, это вы меня послушайте, – прервал его человек в куртке. – Вы на территории заповедника! Кто, черт возьми, дал вам право среди ночи заниматься здесь, на священной земле, какими-то раскопками?

– Бог, – просто ответил старик.

Глава 7

Четверг, 16 февраля

Над деревянной дверью одной из келий картезианского монастыря Святого Гуго, что располагался в сассекской глубинке, в пятнадцати милях к северу от Брайтона, красовалось латинское изречение: «*Mihi enim vivere CHRISTUS est, et mori lucrum*».

По-английски это означало: «Ибо для меня жизнь есть Христос, и смерть – приобретение».

За дверью, в тишине по-спартански убранной кельи сидел за столом брат Ангус, погруженный в чтение.

Уже много лет вел он здесь уединенное существование, по много часов в день – и семь дней в неделю – проводя в своей крошечной молитвенной комнатке на коленях, в обращении к Богу.

Но в последние месяцы что-то изменилось. Все чаще брат Ангус выходил из кельи и шел по галерее в огромную, обшитую дубовыми панелями монастырскую библиотеку. И каждый раз оставался там надолго. Тщательно выбирал он книги среди множества тяжелых томов в кожаных переплетах – многие из них были старше первого печатного станка – и забирал к себе в келью столько, сколько мог унести.

Любой монах здесь мог при желании никогда не выходить из своей кельи. Пищу затворникам готовили братья и подавали каждое утро через окошечко в двери. Много лет брат Ангус не испытывал потребности в общении. Но в последнее время множество вопросов смущали его ум – и он от души жалел об обете молчания, нарушать который позволялось лишь раз в неделю, в воскресенье, на часовой прогулке.

В следующем месяце брату Ангусу исполнялось шестьдесят три года. Он не знал, сколько еще прослужит Господу. Вряд ли долго. Он болен – и, быть может, не увидит даже следующей зимы. А может быть, не доживет и до лета.

До недавних пор брат Ангус был вполне доволен своей монашеской жизнью – хотя, казалось бы, ничто в его бурной юности не предвещало такого конца. Дитя шестидесятых, когда-то он наслаждался жизнью на полную катушку! Изгнанный из университета, жалеть об этом не стал, а сделался гитаристом в хэви-металлической группе под названием «Символ веры Сатаны»; и дальше много лет его жизнь состояла из концертных туров, в основном по Германии, выступлений в клубах и на открытом воздухе, безудержного пьянства, наркотиков и секса с фанатками.

Так он и жил, пока не увидел свет.

Несколько раз. Сперва – фонарик врача, проверяющего его зрачки после того, как Ангуса откачали от передоза (а он даже не мог вспомнить, что принял и сколько). Потом – яркие лампы в операционной. И наконец – иной свет. Ярче всего. И всего прекраснее. Тот свет, что позвал его за собой.

Медсестра-гречанка в больнице на севере Лондона, где ему спасли жизнь, рассказала как-то, что ее брат – монах, живет в православном монастыре на святой горе Афон. Ангусу всегда нравилась Греция – и сейчас рассказы о православии чем-то неодолимо его привлекли. С помощью медсестры и ее брата он получил гостевую визу.

Поехал на Афон на пять дней – а остался там на пять лет. В суровой монашеской жизни, в неустанных трудах, молчании, ночных богослужениях и постоянной молитве открылось для него ни с чем не сравнимое очарование, перед которым Ангус не смог устоять. Уехал он не скоро и не по своей воле. Бог призвал его домой – в Хоршем; мать Ангуса заболела и нуждалась в нем.

Семь лет Ангус ухаживал за матерью, у которой малу-помалу отнимала рассудок болезнь Альцгеймера. Но вот она умерла. Ангус думал вернуться на Афон – а на следующий день после похорон случайно проезжал мимо ворот картезианского монастыря Святого Гуго. В этот миг он увидел свет, еще ярче, чем в прошлый раз. Ангус развернулся, въехал в ворота и сказал настоятелю, что хочет остаться здесь. Машину он попросил продать и пустить выручку на нужды монастыря.

И с тех пор не покидал этого места. Монастырь Святого Гуго стал его домом – или, точнее, временным пристанищем, пока...

Пока брат Ангус не вернется на свою небесную Родину.

Монастырь Святого Гуго был построен в тучные дни как убежище для французских монахов, бежавших от ужасов Революции. Однако почти никто из французов сюда не добрался. Как и многие монастыри в наше время, этот, изначально рассчитанный на две сотни монахов, почти опустел: старики умирали, и некому было их заменить. Сейчас в обители жили всего двадцать три насельника, включая аббата и его заместителя – и большинство из них приехали сюда со всех концов света. Картезианский обет молчания соблюдался между ними, так сказать, естественным образом, ибо из двадцати трех семнадцать говорили на разных языках. Страдая от безлюдья, «Святой Гуго» принимал к себе монахов всех орденов.

Однако немногие задерживались здесь надолго: принятый в монастыре режим и распорядок дня казался им слишком уж суровым. В постель рекомендовалось ложиться в восемь вечера – а уже в половине двенадцатого монахи поднимались на следующую молитву, либо в тиши своих келий, либо в общей часовне, под руководством аббата.

Келья брата Ангуса была, по монастырским стандартам, необычно просторной – занимала два этажа, и при ней имелся огороженный садик, где брат Ангус выращивал овощи. На первом этаже располагалась его маленькая личная часовня, с иконой Христа и статуэткой девы Марии, покоящейся на подставке из древесного ствола. Здесь же, чуть дальше по коридору, имелась мастерская, где брат Ангус хранил инструменты, необходимые для работы в келье и в саду.

Наверху располагались два помещения со скудной мебелировкой – стол, скамья, жесткая кровать – и молитвенная комнатка. Имелась здесь и умывальная, где Ангус обливался из бутылки нагретой водой – в этом состояли все его гигиенические процедуры, – и печка, дающая кое-какое тепло долгими зимними ночами. И сейчас, быть может, стоило бы затопить печку: Ангус дрожал, и ряса с капюшоном не слишком-то защищала от укусов промозглого холода. Однако книга на староанглийском языке поглотила все его внимание, и холода он не замечал.

Сидя за столом, обложившись со всех сторон молитвенниками и старинными книгами в кожаных переплетах, порой брат Ангус поднимал взор к окну и видел раскинувшееся за оградой сада мирное монастырское кладбище. Ряды простых, безмянных деревянных крестов отмечали там места последнего упокоения монахов прошлого. Настанет день – уже недолго ждать – и его брэнное тело ляжет с ними рядом. Однако куда отправится дух?

До недавнего времени вопрос этот не вызывал затруднений. Но вот уже несколько раз он говорил об этом с аббатом – и слова аббата с каждым разом все меньше его убеждали. Чем больше он читал и размышлял, тем большим испытаниям подвергалась его вера. «Что, – спрашивал себя все чаще и чаще брат Ангус, – если там, за пределами жизни сей, ничего нет? Совсем ничего?»

Что, если все эти годы он потратил впустую, молясь Великому Ничто?

И сейчас брат Ангус торопливо листал страницы книги, надеясь, что Бог укажет ему строки, где найдется ответ. Иначе – что же ему остается? Мир за стенами монастыря стал для него чужим. Слишком многое изменилось с тех пор, как он принял святыя обеты. Еще ухаживая за матерью, он сторонился новых технологий и чувствовал себя отставшим от жизни. В

последние десятилетия мир двигался вперед стремительными шагами – а брат Ангус и телефоном-то почти не пользовался, хотя в последнее время овладел Интернетом.

Он страшился, что скоро исчезнет с лица земли, что кости его сгниют под безымянным крестом, как и кости всех его предшественников... неужели все это напрасно? Затем – несколько месяцев назад – получил послание. И встревожился, даже испугался, еще сильнее, ибо послание это было слишком неясно.

Что-то происходило. В мире нарастало религиозное брожение, какого не случалось уже столетиями. Каждую ночь, во сне, Бог посылал Ангусу знаки и послания. Это Бог приказал ему выйти в Интернет и начать следить за событиями в мире. Но последние новости ничего не прояснили, а лишь еще больше всё запутали.

Бывали дни, даже недели, когда знаки и послания сливались в какую-то непроглядную муть; тогда от религиозных текстов брат Ангус обращался к научным. Как правило, монахи предпочитали обходиться без достижений современной науки и техники, однако он теперь не раз ловил себя на том, что с интересом изучает мысли своих противников-материалистов. Особенно жадно читал американского профессора по имени Дэнни Хиллис, создателя параллельного процессора и сооснователя компании «Корпорация думающих машин». Слоган компании звучал так: «Мы создаем машину, которая будет нами гордиться».

Некоторые слова этого изобретателя отзывались у Ангуса глубоко в сердце. Особенно запомнился ему отрывок из интервью, которое дал Хиллис еще в 1990-х: «Человек ищет Бога – но не думаю, что Его стоит искать в полутьме готического собора. Скорее, мы найдем Его в киберпространстве. Быть может, высокие технологии откроют нам Его волну».

Рискуя навлечь на себя гнев аббата и даже изгнание из монастыря, Ангус попросил снабдить всех монахов компьютерами с доступом в Интернет – вместо одного дряхлого, давно устаревшего компьютера в библиотеке. Настоятель и слышать об этом не желал. Просто отмахнулся, добавив: «Все, что нужно знать, сообщает нам Бог. В тот день, когда мы перестанем в это верить, – перестанем быть монахами. Брат Ангус, может, у тебя кризис веры? Просто помни: все, что тебе нужно, у тебя уже есть. Оно здесь, в Боге. Ищи – и обрящешь. Спрашивай – и Он ответит».

И брат Ангус спрашивал – в ежедневных своих молитвах задавал Богу все более и более настоятельные вопросы. Ответ же был лишь один: скоро, очень скоро произойдет нечто. Нечто необъяснимое и неопишное. Событие чрезвычайной важности, для христианского мира сравнимое с Пришествием Христа.

Второе Пришествие?

Или явление Антихриста?

Глава 8

Четверг, 16 февраля

Этот звонок Росс Хантер едва не сбросил. На мониторе высветилось «номер скрыт». Должно быть, очередной автоматический телефонный спам, из тех номеров, что все получатели сразу заносят в черный список. А Росс Хантер как раз дописывал статью для отдела расследований «Санди таймс» – о том, как шестеро футболистов из Премьер-лиги оказались замешаны в отмывании денег через киносъёмки. Было двадцать минут пятого – и дэдлайн наступил ровно двадцать минут назад.

Монморенси, темно-серый метис лабрадора, лежал на полу у письменного стола и шумно грыз кость. У него были свои дэдлайны – целых два: во-первых, успеет ли он догрызть, прежде чем хозяин поведет его на прогулку? И во-вторых, успеют ли они пойти погулять, пока не стемнело?

Впоследствии Росс не раз спрашивал себя, что же заставило его ответить на звонок. Впрочем, если бы и не ответил, старик звонил бы снова и снова, пока не сумел бы к нему пробиться. Было и еще одно: Росс к этому времени стал довольно известен – и отлично знал, что сенсации являются к репортерам именно из случайных звонков. Так произошел его первый прорыв, еще в брайтонском «Аргусе». Началось со звонка от незнакомца – а закончилось секс-скандалом, в результате которого пришлось выйти в отставку члену парламента.

– Росс Хантер, – проговорил он в трубку, окидывая усталым взором темнеющее окно и улицу за ним.

В этот дом в Патнеме Росс и его жена Имоджен переехали, чтобы начать все сначала. После того кошмарного дня, когда он вернулся из Афганистана и застал ее в постели с другим.

Имоджен молила о прощении. Говорила, что МИД объявил его погибшим, что она была в отчаянии и бросилась искать утешения в объятиях старого друга. Отчаянно желая вернуться к нормальной жизни, Росс принял это объяснение и простил ее. Потом оказалось, что все это было вранье: их роман начался гораздо раньше. Отношения так и не стали прежними. Все равно что склеенная фарфоровая чашка: на первый взгляд целая, а приглядишься – сразу заметны трещинки. Они переехали в собственный дом, Имоджен забеременела, однако Росс все не находил покоя.

Он просто не мог больше ей доверять. Всегда оставался червячок сомнения. Иногда жена задерживалась на работе, приходила с какими-то объяснениями – и Росс понимал, что не вполне ей верит. Или вдруг вешала трубку, стоило ему войти на кухню. Каждый раз перед глазами вставала та же картина: голая Имоджен, в их супружеской спальне, верхом на борода-том мужике...

Мимо неторопливо проехал грузовик доставки: он уже включил фары. К соседнему дому подъехала соседка и, открыв заднюю дверь, принялась высаживать из машины детишек. В мягком электрическом свете Росс видел, как она расстегивает ремень безопасности на своем младшем сыне – на редкость, надо сказать, противном визгливом пацане.

– Это мистер Хантер, журналист?

Голос в трубке звучал очень интеллигентно. Голос культурного, образованного пожилого человека. Нет, пожалуй, даже старика.

– Да, а кто это?

– Слава Богу, наконец-то я вас нашел! Мне пришлось обзвонить всех Р. Хантеров, что значатся в телефонном справочнике Сассекса.

– Со мной легко связаться в социальных сетях – я веду странички в «Твиттере» и «Фейсбуке». Или по электронной почте – она указана в подписи ко всем моим текстам, – проговорил Росс, прихлебывая чай из кружки.

– Мистер Хантер, я не мог доверить этот вопрос электронной почте или социальным сетям. Техника ненадежна, а рисковать нельзя. Я прочел немало ваших статей. Очень впечатлило меня несколько лет назад ваше расследование для «Санди таймс» о том, как правительство подводит наши войска в Афганистане.

– Вы это читали?

– В провинции Гельманд погиб мой сын. По их взводу стреляли свои. Был убит *дружественным огнем* — кажется, так это у них называется. Будь у него один из тех маячков, о которых вы писали, это спасло бы ему жизнь.

– Соболезную вашей потере.

– Я звоню не поэтому – но благодарю вас. Мы с женой постарались это пережить.

Росс покосился на часы, с тоской думая о неоконченной статье.

– Просто хочу, мистер Хантер, чтобы вы убедились, что я не сумасшедший.

– Приятно слышать, – откликнулся Росс.

– Меня зовут доктор Гарри Ф. Кук. Служил в Вооруженных силах Великобритании, затем преподавал историю искусства в Бирмингемском университете. Сейчас на пенсии. Как ни странно, недавно я получил абсолютное доказательство бытия Божия; мне сказали, что есть писатель, уважаемый журналист по имени Росс Хантер, который поможет добиться того, чтобы ко мне отнеслись серьезно.

– Э-э... что?

– Да, понимаю. Я же сказал: как ни странно.

– Ну... вообще-то да. – Росс на секунду задумался. – Доказательство бытия *какого* Бога?

– Бог един, мистер Хантер. Есть много пророков, много разных вер, но лишь один Бог.

– Могу я поинтересоваться, кто посоветовал вам обратиться ко мне? – спросил Росс, рассеянно следя за тем, как соседка загоняет детей домой.

– Сам Бог и посоветовал, – просто ответил Гарри Ф. Кук. – Вы сможете уделить мне пару минут?

Росс взглянул на часы, отсчитывающие драгоценные минуты.

– Боюсь, доктор Кук, вам придется изложить свою историю очень быстро. Мне пора сдавать статью, и я уже опаздываю.

– Что ж, буду так краток, как только смогу. Или, может быть, мне перезвонить попозже?

– Нет-нет, говорите.

Росс взял карандаш, нацарапал на чистом листе имя: «Др. Гарри Ф. Кук, б. военный, унр. Бирмингем, ист. пенс.» и снова отхлебнул быстро остывающий чай.

– Думаю, мистер Хантер, мне необходимо с вами встретиться и подробно все объяснить. Уверяю вас, вы не потратите время зря. Не сомневаюсь, вас осаждают люди со всякого рода странностями – но я не из таких. Не могли бы вы уделить мне всего полчаса? Подъеду в любое место, куда вам удобно. Я должен сообщить вам нечто действительно важное – нечто такое, что, уверен, вы захотите услышать. У меня есть для вас послание.

– Послание? От кого?

– От вашего брата Рикки.

Несколько мгновений Росс сидел, словно громом пораженный, спрашивая себя, верно ли расслышал.

– У вас есть послание для меня от Рикки?

– Вот именно.

– Какое же?

– Не по телефону, мистер Хантер.

По темнеющей улице за окном промчалась, мигая синими огнями и завывая сиреной, машина «скорой помощи» – и на миг Россу показалось, что все это нереально. Что весь разговор ему снится.

– Доктор Кук, кто вы такой?

«Скорая помощь» растворилась в сумерках.

– Пожалуйста, поверьте мне: я самый обычный человек – и делаю только то, что было мне велено. Прошу вас, мистер Хантер, даже умоляю: можем мы встретиться?

Сумасшедшие с фантастическими историями и в самом деле являлись к Россу нередко. Однако в этом старике – в его интеллигентном голосе – было что-то особенное. Глубокая убежденность, предельная серьезность, от которой нельзя просто так отмахнуться.

– Хорошо. Встретимся и выпьем по чашке чая. Я дам вам полчаса. Договорились?

– Что ж, очень любезно с вашей стороны. Как уже сказал, я готов подъехать, куда вам удобнее. Просто скажите, где и когда.

Глава 9

Четверг, 16 февраля

Борис, развалившись за письменным столом посреди своей просторной клетки, со всей мочи колотил обеими лапами по клавиатуре.

Борис – обезьяна-капуцин, с круглой морщинистой мордочкой, кремовой гривой и длинным коричневым хвостом – по обезьяньим стандартам был очень умен. Хотя и недостаточно умен, чтобы понимать, как из стучания по клавишам рождается текст. На ползущую из принтера бумагу, на которой печаталась какая-то нелепица, он никакого внимания не обращал, а думал лишь о том, что за стук по клавишам его регулярно вознаграждают арахисом, банановыми чипсами или еще каким-нибудь лакомством.

По опыту Борис знал: если перестать стучать, поток лакомств иссякнет. Тот же трехнедельный опыт подсказывал ему, что, если пописать или нагадить на клавиатуру, после этого долго, долго не получишь угощения.

Доктор Эйнсли Блур, бывший профессор биологии в Брайтонском университете, несколько лет назад продал душу фармацевтическому бизнесу и теперь занимал должность гендиректора одного из самых крупных и быстро развивающихся фармацевтических гигантов – «Керр Клуге». Сокращенное наименование компании несколько напоминало «Ку-клу-клан», что не ускользнуло от взора самых рьяных ее критиков. Поговаривали – и не без оснований, – что между ними нет никакой разницы.

Борис, разумеется, ничего этого не знал и не ведал – просто колотил себе по клавишам и ждал угощения.

Эйнсли Блур прославился как один из самых воинствующих атеистов в Великобритании. Этот молодежавый человек пятидесяти пяти лет от роду, с серебристой сединой в слишком длинных для бизнесмена волосах, с ястребиным лицом и пронзительными серыми глазами был преданным учеником группы проповедников атеизма, которых журналисты прозвали Четырьмя Всадниками Дез-апокалипсиса: Ричарда Докинза, Дэниела Деннета, Кристофера Хитченса и Сэма Харриса.

Некоторые из его предшественников на ниве Нового Атеизма пытались доказать на практике знаменитую теорию «обезьяны и пишущей машинки»: по их мнению, эта теория прекрасно объясняла, каким образом мир возник сам собой, по чистой случайности, без всякого участия так называемого Разумного Замысла.

Теория была проста и изящна. Предположим, у нас есть бесконечное количество времени – и бесконечное количество обезьян, бездумно стучащих по клавишам пишущих машинок. Какова вероятность, что рано или поздно одна из них напечатает полное собрание сочинений Шекспира?

До сих пор у всех, кто пытался проверить это на практике, ничего не выходило. Коллега одного из самых знаменитых атеистов в Великобритании, покойного профессора Энтони Флю, попробовал – и пришел к выводу, что количество элементарных частиц во Вселенной на много порядков меньше, чем требовалось бы, чтобы дать обезьяне возможность напечатать хоть один шекспировский сонет. Отчасти из-за этих своих умозаключений коллега Флю отошел от атеизма и признал существование Разумного Замысла.

В молодости Блур опубликовал три книги, в которых высмеивал само понятие Творца: «Великий Боженька», «Кто был отцом Бога-Отца?» и «Божественная арифметика». Аргументация его была стара как мир. Она восходила еще к Аристотелю, затем – к Блезу Паскалю, Джонатану Свифту, Эмилю Борелю и Артуру Эддингтону: все они пытались объяснить возникновение жизни на Земле с помощью вычислений и теории случайных событий.

Однако, по мнению Блур, в том, как понимали эту теорию Энтони Флю и прочие, заключалась фатальная ошибка.

Все они упускали из виду важнейший элемент.

Десять лет разработки компьютерного алгоритма, три недели возни с обезьянами – и, кажется, что-то начало вырисовываться...

Конечно, эксперимент еще в самом начале. Но прогресс налицо. Да, несомненный прогресс!

Из шести обезьян, поселенных в шести клетках в оранжерее на заднем дворе дома, где жил Эйнсли Блур с женой, Борис оказался самым талантливым. Просто восходящей звездой!

«Путь в тысячу ли, – думал Блур. – Как там говорил Лао- цзы: “Путь в тысячу ли начинается с первого шага...” Или с первого удара по клавишам».

Глава 10

Понедельник, 20 февраля

В 15.50, за десять минут до прихода доктора Гарри Ф. Кука, Росс стоял у окна своего кабинета на втором этаже, задумчиво смотрел на улицу и обдумывал следующую статью – статью, от которой сильно поморщится кое-кто в Министерстве здравоохранения. Он видел, как подъехал и остановился у тротуара безупречно белый «Ниссан Микра».

Пискнул мобильник.

Росс взял телефон в руки и прочел эсмэску от Имоджен:

*Задерживаюсь, буду около 7. Хочешь, захвачу по дороге тайской еды?
Осторожнее со своим психом – не хочу найти тебя порезанным на части в морозилке!*

Люблю тебя. ХХХ

Он ответил:

*Конечно! Сатай из цыпленка и зеленый карри с рыбой, пжлст. Я
вооружен до зубов! Люблю тебя. ХХХ*

Затем попытался сосредоточиться и вернуться к работе, но не смог. Снова «задерживается». Почему? Где она на самом деле – и... быть может, стоит спросить, с кем?

Из белого «Ниссана» вылез человек. Росс поспешил в прихожую, к дверям, – и за долю секунды до четырех часов в дверь позвонили.

Открыв, журналист увидел перед собой высокого, очень приличного на вид старика с большим портфелем в руках. Гостю было лет семьдесят пять: совершенно седой, в безукоризненном полосатом костюме с галстуком, с торчащим из кармана носовым платком.

– Мистер Хантер? – Он протянул руку.

– Доктор Кук? Нормально меня нашли?

– Да, без малейшего труда, спасибо чудесам спутниковой навигации.

Пожимая Россу руку, Кук подался вперед и проговорил, глядя на него грустными слезящимися глазами:

– Очень рад, что вы согласились со мной встретиться, мистер Хантер. Вы понимаете, что мы с вами должны спасти мир?

– Ну... сделаю все возможное! – Росс не слишком уверенно улыбнулся. Глядя на безупречно одетого гостя, сам он пожалел, что на нем джинсы, мешковатый домашний свитер и шлепанцы.

– Мистер Хантер, не могу выразить, как много это значит для меня – и для всего человечества!

Журналист улыбнулся в ответ.

– Давайте посмотрим. Присаживайтесь. Хотите чего-нибудь?

– С вашего позволения, не откажусь от чашки чая.

Из кухни донеслось громкое басовитое: «Гав!»

– Тихо, Монти! – крикнул Росс.

Кудлатый метис лабрадора вышел из-за угла, приблизился к гостю, с явным сомнением виляя хвостом. Кук смотрел на него с опаской. Росс похлопал пса по холке.

– Он у нас добрейшее создание. Вы нормально ладите с собаками?

– Да, да, прекрасно. Вы сказали, Монти?

– Верно. Уменьшительное от Монморенси.

– Монморенси? Кажется, так звали пса в «Троих в лодке»? Чудесная книга.

– Оттуда мы и взяли ему кличку. Это придумала моя жена, она очень любит Джерома.

«Троих в лодке» они с Иможден взяли с собой на медовый месяц в Италию и читали в гостиничном номере: он – впервые, она – в третий или четвертый раз, но с таким же восторгом, как в первый. Много смеялись, особенно над первой главой, где герой жалуется на то, как его укачивает на море. Росс и Иможден отправились в плавание бесплатно, благодаря отделу путешествий того журнала, где она в то время работала. В Бискайском заливе попали в шторм и первые два дня лежали в каюте пластом.

– Мы с женой всегда предпочитали кошек, – заметил Кук.

– И у нас был кот. Из приюта. Звали его Космо. Странный был парень, неуживчивый, обожал гулять сам по себе... Где-то пропадал целыми днями...

– Никогда не знаешь, что у кошки на уме.

– Это точно! Кончилось тем, что однажды он просто ушел и не вернулся. Быть может, получил более выгодное предложение.

– Кто знает! – Старик рассмеялся.

Росс провел гостя в просторную современную гостиную, усадил на диван и вышел на кухню: ее тоже обставляла Иможден, стояла эта кухня больше национального долга страны средних размеров – и уж точно больше, чем они могли себе позволить. Включил чайник, заварил чай, бросил на блюдце несколько штукешок шоколадного печенья. Поставил все это на поднос и вернулся в гостиную.

Несколько секунд спустя, опустившись в кресло напротив (Монти развалился рядом) и глядя, как гость аккуратно помешивает чай, Росс заговорил:

– Вы сказали, что получили послание от моего брата Рикки?

– К этому я перейду. – Кук отпил чая, остановился на секунду, занятый какими-то своими мыслями. – Позвольте мне рассказать обо всем по порядку.

Росс кивнул.

– Видите ли, моя покойная жена Дорин также занималась наукой. Преподавала физику в том же университете, что и я. Полгода назад она скончалась от рака.

– Соболезную вашей потере.

– Благодарю вас. Но дело вот в чем, мистер Хантер: в последние свои дни в хосписе она взяла с меня слово, что после ее смерти я пойду к медиуму и постараюсь с ней связаться. Я, знаете ли, человек верующий и к таким вещам отношусь с подозрением, – но она неотступно просила об этом, и, разумеется, мне пришлось согласиться. А после того, как она скончалась, естественно, я должен был исполнить свое обещание.

– Разумеется, – поддакнул Росс.

– Мне удалось найти очень приятную женщину с хорошими рекомендациями, и через три недели после похорон моей жены мы начали сеансы. Однако вместо Дорин явился некий человек, заявивший, что у него послание от Бога. Он сказал: Бог крайне обеспокоен нынешним состоянием мира и считает, что человечество должно вернуть веру в Него – это поможет нам отступить от края пропасти. В качестве доказательства, что ему можно верить, продолжал он, Бог посылает через него информацию, не известную никому на земле – три сообщения в виде трех наборов координат. И еще он сказал: есть известный, уважаемый журналист по имени Росс Хантер; он поможет сделать так, чтобы меня приняли всерьез.

– Правда? Вот уж не знал, что меня так высоко ценят там, наверху!

– Этот человек продолжал: рядом с ним есть кто-то, у кого для вас послание. Это ваш брат Рикки, сказал он. Вот что он попросил меня вам передать: Рикки знал, что вы его не любили, хотя никогда не понимал, почему. Но он вас прощает.

Росс смотрел на него, как замороженный.

– А что-нибудь еще мой брат сказал?

– Сказал: он хочет, чтобы вы доверились мне. И попросил назвать вам два имени: Пушок и Пискля. Вы должны их помнить, сказал он. Помните, как Пискля вас укусил?

Росс молчал, ошеломленный. Конечно, помнит! Пушок и Пискля – пара песчанок, которых родители подарили им с Рикки на девять лет. И Пискля в самом деле однажды сильно цапнул его за палец. Ради всего святого, откуда знает об этом доктор Кук?

Старик кивнул в сторону своего массивного портфеля, стоящего на полу у дивана.

– Всё здесь, мистер Хантер.

– Хорошо. Позвольте взглянуть.

Кук открыл портфель и извлек оттуда толстую стопку перехваченных резинкой листов формата А5.

– Думаю, для начала вам стоит прочесть это. Все это я получил напрямую от Бога, во время нескольких сеансов с медиумом. – Он протянул рукопись Россу. – Координаты я, разумеется, отсюда вычеркнул – на случай, если рукопись попадет в дурные руки.

Рукопись оказалась тяжелой и потрепанной на вид, с пожелтевшим верхним листом. Журналист снял резинку, быстро проглядел первые страницы. Все страницы сверху донизу были заполнены мелким аккуратным почерком, черными чернилами, без деления на главы. Кое-где виднелись помарки или отдельные слова, замазанные корректором. Рукопись была испещрена стрелочками и рамками, указывающими на примечания. Страницы внизу пронумерованы: всего 1247.

– Что ж, – проговорил Росс. – Хорошо, оставьте рукопись, я ее посмотрю.

Старик с сожалением покачал головой.

– Боюсь, это невозможно. Видите ли, она существует лишь в одном экземпляре.

– Вы не сделали копию?

– Я не мог так рисковать! – почти возмущенно ответил Кук. – Что, если копия попадет в дурные руки? Нет, вы должны прочитать ее здесь, при мне.

Росс мысленно застонал. Все-таки псих!.. Однако то, что сказал доктор Кук о Рикки, не выходило у него из головы. И песчанки... Росс точно нигде о них не писал и, насколько помнил, даже никому никогда не рассказывал. Откуда же узнал о них доктор Кук? Как такое возможно?

Он взвесил рукопись в ладони. Снова пролистал.

– Такую книжищу и за три дня не прочтешь!

– Совершенно верно. – Старик наставительно поднял палец.

Росс покачал головой и насмешливо улыбнулся.

– И что же – вы собираетесь сидеть здесь, у меня на диване, несколько дней, пока я буду читать?

– Я не могу выпустить рукопись из виду.

Росс снова потряс головой.

– Нет, доктор Кук, так дело не пойдет. Помимо всего прочего, у меня просто нет четырех свободных дней. Придется вам сделать «прыжок веры»: либо забирайте рукопись – либо оставьте здесь, и я прочту ее, когда смогу, в удобное для себя время. Да, и прежде чем начать, мне хотелось бы узнать намного больше. Об этом *доказательстве Бога*, которое, как вы утверждаете, у вас есть. Что это за три сообщения?

– Я получил три набора координат. Первый указывает на место, где сокрыт Святой Грааль.

– Святой Грааль?!

– Совершенно верно.

– Интересно, – пробормотал Росс, делая пометки на листе бумаги.

– Следующий набор координат еще интереснее, мистер Хантер. Он указывает, где находится важный предмет, напрямую связанный с Господом нашим Иисусом Христом.

– Разумеется, с сертификатом подлинности?

– Мистер Хантер, прошу вас!.. Я ведь уже говорил: я не какой-нибудь ненормальный. Пожалуйста, выслушайте меня. Третий набор координат указывает на местонахождение предмета чрезвычайной важности, поистине способного преобразить мир – и, уверяю вас, преобразить в благую сторону.

– Вы объясните мне, что это?

– Со временем объясню. Не сейчас. Только когда буду уверен, что вы – тот, кто мне нужен. Но скажем так: этот предмет имеет прямое отношение ко Второму Пришествию.

– Ко Второму Пришествию?

– Совершенно верно.

Немного подумав, Росс нарисовал на листе закорючку.

– Понятно. Доктор Кук, вы пробовали проверить какие-либо из этих координат?

Кук отхлебнул еще чая и задумчиво кивнул, погруженный в свои мысли.

– Разумеется. Я проверил координаты, указывающие на местонахождение Святого Грааля. Это оказался Колодец Чаши в Гластонбери.

– Вот как?

– Как вы, конечно, знаете, легенда гласит, что именно там похоронен Иосиф Аримафейский. Колодец Чаши – один из самых древних колодцев в Британии; находится он в долине Авалон, между Холмом Чаши и горой Гластонбери.

– Да, так случилось, что я довольно много об этом знаю. Несколько лет назад писал для «Гардиан» репортаж о фестивале в Гластонбери и заодно коснулся всех мифов. К этим местам привязаны легенды о Граале из артурианского цикла.

– Хорошо, значит, вы понимаете, о чем речь. Разумеется, враги Господа нашего многое сделали для того, чтобы смешать правду с ложью. Надеюсь, вы, мистер Хантер, способны разглядеть правду сквозь тусклое стекло лжи. Быть может, поэтому мне и было сказано, что вы – тот человек, к которому я должен обратиться.

– Так что же, вы там побывали?

– Отправился туда с рудоискательным жезлом и металлодетектором, побывал на том месте, куда указывают координаты, обошел и все вокруг. Да, там под землей определенно что-то есть! – Глаза Кука вспыхнули фанатическим блеском. – Колодец Чаши – частный заповедник, управляется фондом. Я обратился туда, попросил разрешения провести на этом месте археологические раскопки, объяснил, зачем... Мне отказали.

– Привели какую-то конкретную причину?

– Я сделал все, что мог, чтобы их убедить, но они так и не приняли меня всерьез. Однако с вами все будет иначе! У вас репутация честного и здравомыслящего человека, к вам они отнесутся серьезно.

– Здесь есть одна серьезная проблема, – проговорил Росс. – Насколько я помню по своему исследованию, после распятия Иосиф Аримафейский бежал в Британию.

– Вот именно, – ответил Кук. – Бежал, привез с собой Чашу, в которую собрал кровь Иисуса после распятия, пересек равнины Сомерсета и прибыл на легендарный остров короля Артура Авалон, на холм, ныне известный как гора Гластонбери. Чтобы сохранить Чашу, закопал ее в тайном месте. Через семь столетий после смерти Иисуса в этих местах было возведено аббатство Гластонбери. В тысяча сто девяносто первом году монахи аббатства объявили, что обнаружили могилы короля Артура и королевы Джиневры. К сожалению, все свидетельства об этих погребениях были утеряны в царствование Генриха Восьмого, во время Реформации, когда протестантская церковь порвала с Римом; в то время большинство монастырей были снесены до основания, а хранящиеся в них документы и драгоценные реликвии уничтожены.

Росс отхлебнул чая.

– Да, но, собирая материал для статьи, я выяснил, что многие средневековые монахи были не чужды коммерции. А туризм, под именем паломничества, был распространен тогда не

меньше, чем сейчас, – и доход от туристов для монастырей был так же важен, как в наше время для морских курортов. Многие ученые считают, что всю эту историю о древних захоронениях монахи просто выдумали, чтобы привлечь паломников. Что вы об этом знаете, доктор Кук?

– Несомненно, это святое место должны были посещать тысячи паломников. Здесь продавались всевозможные религиозные сувениры, а шарлатаны предлагали всякого рода чудотворные средства и поддельные реликвии. Для тогдашних времен это было нормой. Вы вправе сомневаться, мистер Хантер. В самом деле, через столько сотен лет, и после Реформации, когда почти все свидетельства были уничтожены, практически невозможно установить истину.

– Так. А другие два набора координат вы проверяли? – спросил Росс.

– Проверял. Но, боюсь, ничего не смогу вам открыть, пока не буду уверен в вашей абсолютной преданности нашему делу.

Несмотря на весь свой скепсис, Росс не мог просто отмахнуться от того, что Кук сказал ему о Рикки. И потом, чувствовалась в нем какая-то трогательная искренность. Так или иначе, сам гость явно на сто процентов верил в то, что говорил.

Но все же...

– Доктор Кук, по вашим словам, Господь Бог считает, что, если человечество снова в него поверит, это отодвинет мир от края пропасти?

– Совершенно точно, мистер Хантер.

– Не понимаю, чем это может помочь. Окинем взглядом хотя бы прошедшие пару тысяч лет. Большую часть этих тысячелетий абсолютно все на свете верили в какого-нибудь бога или богов и поклонялись им. И что? Это не мешало им творить друг с другом такие же ужасы и зверства, как в наши дни. Люди могут пламенно верить в Бога и быть последними подонками, одно другому совершенно не мешает. – Он поднял взгляд; собеседник смотрел на него внимательно и серьезно. – Доктор Кук, если он в самом деле Бог и хочет вернуть мир на правый путь, что бы он под этим ни подразумевал... к чему такие сложности? Почему бы просто не взять и не сделать это?

– Потому что всех нас Бог наделил свободной волей. Он послал своего Сына, чтобы спасти нас, а мы насмеялись над Ним и убили Его. И с тех пор страдаем от последствий. Однако теперь Бог готов дать нам вторую попытку.

Все инстинкты Росса кричали: это тупик! В конце концов, из Интернета доктор Кук мог выяснить о Россе все, что хотел знать, – в том числе и о его погибшем брате.

Да, но Пушок и Пискля?..

Росс решил пойти на блеф. Он взглянул на часы.

– Что ж, боюсь, время у меня на исходе – и, простите, пока я не вижу, к чему все это может нас привести. Давайте сделаем так: если вы хотите продолжить разговор, то снимите с вашей рукописи копию и пришлите мне. В противном случае, – Росс встал, – было очень приятно с вами познакомиться.

Кук не двинулся с места – лишь плотно сжал губы.

– Хорошо, – проговорил он, задумчиво кивнув. – Мистер Хантер, я вам доверяю. Если вы пообещаете не делать с рукописи копий, я оставляю ее вам. Мы встретимся еще раз и выработаем стратегию спасения человечества.

– Неплохой план, – заметил Росс. – При одном условии.

– Каком?

– Вы дадите мне все три набора координат.

Кук поколебался; в его прищуренных глазах читалось подозрение.

– Зачем они вам?

– Вы просите меня уделить вам много времени и внимания. Так доверьтесь мне. Попробую проверить координаты сам.

– Мистер Хантер, в знак доброй воли я готов дать вам координаты точного местонахождения Чаши Грааля. Поймите правильно, дело не в том, что я вам не доверяю. Просто эти сведения могут попасть в дурные руки. – Гость вновь устремил на Росса пристальный взгляд. – Вы понимаете, сколько людей хотели бы их заполучить? В дурных руках эти сведения могут быть чрезвычайно опасны.

– В каком смысле опасны? Кто за ними охотится?

– Произнести вслух? – Кук смерил Росса укориженным взглядом. В его голосе послышались нетерпеливые нотки преподавателя, взявшегося с бестолковым студентом. – Люцифер, мистер Хантер. Сатана. Тот, что был сброшен с небес, но поклялся вернуться и отомстить – и сейчас выжидает своего часа.

– Э-э... понятно, – ответил Росс, изо всех сил стараясь сохранять серьезность.

– Другие координаты я передам вам, когда почувствую, что это безопасно. И дайте, пожалуйста, слово, что не станете вести раскопки у Колодца Чаши – или в любом другом месте – без моего присутствия.

– Даю слово.

Кук неохотно достал бумажник, извлек оттуда клочок бумаги, не более двух дюймов в длину и в ширину, и протянул Россу.

Журналист едва мог разобрать крошечные буквы и цифры, нацарапанные на бумаге. Щурясь, он прочитал координаты вслух:

– Пятьдесят один градус восемь минут сорок секунд северной широты, два градуса сорок одна минута пятьдесят пять секунд западной долготы...

Дальше шли какие-то цифры.

– Четырнадцать, девять, четырнадцать, пять, тринадцать, пять, двадцать, восемнадцать, пять, девятнадцать, девятнадцать, двадцать, двенадцать. – Он поднял глаза. – А это что такое? Это не координаты.

– Совершенно верно.

– Какой-то шифр?

– Честно говоря, не знаю. Будучи возле Колодца Чаши, я внимательно смотрел вокруг, старался найти что-то, что соответствовало бы этим числам. И ничего не нашел.

Несколько минут спустя они жали друг другу руки у дверей.

– Мистер Хантер, прошу вас, берегите рукопись!

– Обещаю вам, глаз с нее не спущу!

Потом Росс смотрел, как Кук садится в свою машину, включает фары и уезжает. Было без нескольких минут шесть.

Росс закрыл дверь, поднялся к себе в кабинет и стал читать.

Он не видел, как человек в темно-сером «Воксхолле», припаркованном неподалеку, опустил бинокль ночного видения, выключил режим видеозаписи, что-то записал у себя в блокноте, затем завел машину и поехал прочь.

Глава 11

Понедельник, 20 февраля

Все были довольны, и сам пастор Уэсли Венцеслав, сорока шести лет от роду, – больше всех. Он любил, когда люди вокруг счастливы. И ничто не делало этого служителя Божьего счастливее, чем проповедь Слова Господня – в собственном понимании, находившем отклик в сердцах множества людей. Пастор проповедовал Слово, несущее счастье и успех.

Паства Церкви Уэсли Венцеслава росла день ото дня. Основная его «база» в Южном Кенсингтоне вмещала до 1700 человек – и вот уже несколько лет на каждой службе бывала забита до отказа. А когда проповеди произносил сам пастор Уэсли – обычно это бывало в воскресенье вечером, – множество народу собиралось в любую погоду и за стенами церкви, чтобы увидеть пастора и услышать его слово с больших экранов, чтобы вместе молиться и любить. То же самое происходило и в трех других английских церквях – в Манчестере, Лидсе и Лестере. Помимо этого, у пастора было три церкви в Америке – и в ближайшее время он планировал открыть несколько новых. «Когда Бог стоит у тебя за спиной, – любил говорить пастор Уэсли, – весь мир лежит перед тобой, как устрица, – только и ждет, чтобы его открыли и съели!»

Неуклонно росли и просмотры его канала на «Ю-тьюбе». Сейчас каждый ролик получал в среднем 5,2 миллиона просмотров – больше, чем у иных ведущих информационных и развлекательных каналов! Спонсоры пастора Уэсли были счастливы. Счастлив и его банковский менеджер. И хозяева дорогих бутиков и ювелирных магазинов на Уэстборн-гроув в Лондоне и на Родео-драйв в Беверли-Хиллс, где пастор любил покупать подарки своей жене Марине, сидевшей дома с тремя маленькими детьми. Дети находились на домашнем обучении – и по религиозным причинам, и ради безопасности. Вся семья жила в поместье в Суррее под названием «Гефсиманский сад»: там располагался и дом, и штаб-квартира Церкви Уэсли Венцеслава.

А как счастливы были дилеры компании «Роллс-Ройс» в Сассексе! Чаше всего Уэсли появлялся в свете на спортивном двухдверном «Фантом Купе» цвета золотого песка, всего несколько недель как сошедшем с конвейера; а дома у него, в гараже на десять машин, стояли еще пять «роллсов», каждый не старше двух лет. Это Иисус, рассуждал Уэсли, мог бродить по холмам Галилеи пешком, но с тех пор времена изменились. Новые возможности, новые ожидания – об этом он и писал, и проповедовал. Кому в наше время проще достучаться до сердец людей, нуждающихся в духовном руководстве – нищему монаху в сандалиях и на велосипеде или человеку в элегантном костюме и на дорогом автомобиле?

По всему западному миру христианские церкви теряют свою паству – и не понимают, почему. Некоторые решили, что надо привлекать молодежь – и теперь священники у них скачут по храмам, терзая электрогитары, а пение гимнов превращается в рок-концерт для бедных. Но это тоже не работает – и с чего бы? А ведь все очень просто. Гарри Кон, киномагнат времен золотого века Голливуда, был прав, когда говорил: «Просто давайте людям то, чего они хотят, – и они дверь вынесут, чтобы отдать вам свои деньги!»

– Сам Господь Бог, – с улыбкой говорил пастор Уэсли, – в притчах своих ясно давал понять, что нет ничего важнее прибыли!

Людам нравятся шум, блеск, красота, увлекательные зрелища. Люди любят сенсации, драмы и чудеса. Но по-настоящему *нужно* им только одно: *деньги*. В жарких странах еще можно ходить босым, в лохмотьях, без крыши над головой – было бы что поесть, и плевать на остальное. Но в холодном и влажном климате, как у нас, беззаботным нищим не проживешь. Жизнь стоит денег, и немалых. И пастор Уэсли верил в Евангелие Процветания: чем больше твой банковский счет, тем более ты благословлен Богом.

Кому и знать об этом, как не ему? Ведь сам он не так давно был беден. Принцип очень простой, но почему-то традиционные церкви как в Англии, так и в США десятилетиями – да что там, столетиями – упускают его из виду. И что же? Просто взгляните на его паству! Повсюду число верующих тает, а церкви Венцеслава битком набиты людьми, готовыми воспринять и нести дальше учение Христово. В интерпретации пастора Уэсли. Под девизом его Церкви:

СОСТРАДАНИЕ. ТЕРПИМОСТЬ. УСПЕХ

В прошедшие столетия последнее слово всегда оставалось для паствы под запретом, притом что сами церковники не стеснялись наживать огромные богатства. Как удобно казалось игнорировать простую истину: именно успешные, именно богатые и знаменитые движут мир вперед. Новые лекарства, самолеты, автомобили – все это создают богатые. Богачи кормят мир, богачи строят школы, больницы, библиотеки, дороги. И если правда, что – по слову Иисуса в Синоптических Евангелиях – легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Небесное, то что же за место это Небесное Царство? Об этом пастор Уэсли Венцеслав спрашивал своих слушателей на каждой проповеди – и не сомневался в том, каков будет ответ.

Небеса, полные бедняков – как это уныло, как убого! Какой-то трущобный квартал для неудачников! И кто захочет провести целую вечность в трущобах среди лузеров?

Кроме того, этой цитате пастор Уэсли никогда по-настоящему не верил. Иисус был человеком справедливым, не судившим по внешним признакам. А взять и объявить всех богачей плохими людьми, а бедняков хорошими – что это, если не суждение по внешности? Уэсли знал, что в Писании немало ошибок, связанных с тем, что его много раз переводили с языка на язык; он зарылся в книги – и наконец, в переводе «Пешитта», сирийско-арамейского текста Евангелий, созданного Джорджем М. Ламсой, нашел то, что искал. Вместо «верблюда» в Мф. 19:24 здесь стояло слово «веревка» – а примечание гласило, что по-арамейски, на языке, на котором говорил Иисус, «верблюд» и «веревка» звучали одинаково: *гамла*.

Для пастора Уэсли Венцеслава это стало великим открытием. Выходит, Иисус говорил совсем не то, что ему приписывают! Вдеть веревку в игольное ушко вполне возможно – надо лишь постараться: вот так и богатому, чтобы войти в Царство Небесное, нужно четко сфокусироваться на своей цели.

Теперь все обретало смысл! Ошибка эта, несомненно, была не случайной. Монотеистические религии – те, что веруют в единого Бога – за столетия и тысячелетия обрели огромную власть. И важный элемент их власти – богатство. Стоит вспомнить хотя бы о несметных сокровищах Ватикана! Две тысячи лет церковь устраняла конкурентов, внушала верующим страх и чувство вины за земное богатство, заставляла их жертвовать все излишки себе – одной-единственной фразой.

Причем неправильно переведенной.

Быть может, намеренно?

Покоясь в мягком кожаном кресле, небрежно опустив руку на руль мощного и безупречно послушного автомобиля, пастор слушал свой собственный голос, гремящий в динамиках – приемник в «Роллс-Ройсе» был настроен на «Радио Уэсли Венцеслава».

– У Матфея, глава пятая, стих пятый, мы читаем: «Блаженны кроткие, ибо они унаследуют землю». Что ж, давайте хорошенько подумаем об этом. Что же это значит? Неужели всякий, кто отстаивает себя и свое дело, обречен?

Отворились чугунные ворота «Гефсиманского сада». Первым к ним подъехал черный «Рейнджровер» с двумя охранниками. «Роллс-Ройс» вплыл в ворота; еще один черный «Рейнджровер» с охраной следовал за ним по пятам. Под пристальными взглядами камер пастор Уэсли и его телохранители начали путь по длинной, тенистой, усаженной деревьями аллее.

Взирая на зеленые лужайки, подсвеченные тысячами светильников, Венцеслав расплылся в довольной улыбке. Зрелище, достойное самого Господа! Акры и акры зеленой травы ступенями спускаются к озеру, где в окружении нескольких бьющих из земли источников расположено его личное святилище. Там, на берегу озера, пастор Уэсли частенько уединяется для молитв и размышлений над Писанием, не забывая при этом поглядывать на экран планшета с графиком его доходов.

Яркий, насыщенный зеленый цвет – именно такой, как он любит. Недавно прошли дожди, и трава зеленела по естественным причинам. Однако в жаркие летние месяцы, когда дождей подолгу не было, оросительная система не справлялась с задачей и трава начинала желтеть, пастор Уэсли не пренебрегал химическими средствами окраски. Здесь у него бывают важные, влиятельные посетители, так что все должно выглядеть безупречно. Даже трава на лужайках. Что здесь такого? Самому Богу Всемогущему иной раз требуется подать руку помощи. Быть может, особенно в наши темные времена...

Лицо пастора омрачилось; он вспомнил о полученной сегодня тревожной вести.

Глава 12

Понедельник, 20 февраля

– Ужин на столе! – нетерпеливо позвала Имоджен. – И уже стынет!

– Иду, – отозвался Росс.

– Ты это говорил пять минут назад!

– Извини, сейчас иду!

Он аккуратно отложил в сторону толстую пачку бумажных листов – рукопись, доверенную ему Гарри Куком. В единственном экземпляре. Вот и слава Богу, сказал себе Росс. По крайней мере, никому больше не грозит тратить невозвратные часы жизни, стараясь разобраться в этой писанине.

Он быстро проверил на компьютере «Фейсбук» и «Твиттер», ничего особенно интересного там не увидел и поспешил по лестнице вниз.

– И как тебе? – поинтересовалась Имоджен, когда он вошел в просторную кухню, откуда открывался панорамный вид на залитую огнями долину Пэтчем.

– Прости. Я хотел прийти, когда ты позвала в первый раз, но как раз в эту секунду показалось, что я набрел на что-то интересное. Увы, только показалось...

Он пододвинул к себе деревянный табурет. Сатай из курицы, зеленый рыбный карри и салат из помидоров уже стояли на столе.

– Чудесно пахнет! И – ох, как мне сейчас нужно выпить! – С этими словами Росс достал из холодильника пиво.

– Хотела бы я к тебе присоединиться, – вздохнула Имоджен, поднимая стакан с минералкой. На столе перед ней лежали несколько блистеров с таблетками.

– Ну, может, если немножко...

– Нет уж, буду хорошей мамой! Вот когда Калигула появится на свет – вознагражу себя за все!

Росс промолчал – в этом он не сомневался.

Калигулой они прозвали будущего малыша три месяца назад, выяснив на УЗИ, что это мальчик. Имя жестокого римского императора нерожденный ребенок получил из-за того, что Имоджен страшно тошнило по утрам. А кроме того – так она говорила, – ничего нет хуже сюсюкающих мамашек, и она скорее умрет, чем сама начнет сюсюкать над сыном! Вот так малыш и получил это прозвище.

Поначалу, только поженившись, Росс и Имоджен думали, что детей не хотят. Во всяком случае, сейчас не хотят. Может быть, когда-нибудь потом... Так же жили и все семейные пары вокруг них – и за прошедшие годы их взгляды не изменились: лишь одна знакомая семья обзавелась ребенком. Вернувшись из Афганистана, Росс только укрепился в своих взглядах. Вспоминая обо всем, чему стал свидетелем, он очень сомневался в том, что в этот безумный и опасный мир стоит приводить ребенка. А кроме того – хотя об этом Росс старался не думать, – сомневался он и в том, что проживет с Имоджен всю оставшуюся жизнь. Он так ее по-настоящему и не простил. И больше ей не доверял. Какие из них родители?

Первые три месяца после его возвращения Имоджен, должно быть, снедаемая чувством вины, вела себя идеально. Нервы Росса были совершенно расшатаны, он почти не мог спать, а когда засыпал, с криком просыпался от кошмаров. Имоджен делала все, чтобы загладить свою вину, помочь ему восстановиться и вновь обрести душевное равновесие. Но затем – в последние несколько лет – Росс начал ощущать, что между ними больше нет близости. А потом она забеременела.

Уверяла, что не понимает, как это произошло, что аккуратно пила таблетки... Впрочем, Росс не доверял ей больше ни в чем. Скорее всего, она нарочно это сделала, думал он. В послед-

ней попытке спасти брак – или, может быть, ей просто приспичило завести ребенка. В последнее время они почти не занимались любовью – это случалось, может быть, раз в месяц.

Имоджен подняла стакан с минералкой.

– Твое здоровье! – сказала она.

Они чокнулись, глядя друг другу в глаза – ритуал, на котором Имоджен всегда настаивала. Затем, вновь подняв стакан, она добавила:

– И за спасение мира!

– Я все-таки не вполне уверен, что на роль спасителя мира Бог выбрал престарелого университетского преподавателя.

– Ну, в прошлый раз он выбрал нищего сына плотника!

Росс улыбнулся.

– А теперь выбрал еще и тебя. Пусть ты и не плотницкий сын, но зарабатываешь не больше Иисуса. – И она кивнула на стопку счетов на подоконнике.

– Что там? Что-нибудь страшное?

– Росс, у нас счета каждый месяц один другого страшнее. Думаешь, я достаю деньги из потайных сундуков? Вовсе нет: просто умею ловко жонглировать тем, что у нас на кредитных карточках. Росс, тебе нужны подработки. Я уже скоро работать не смогу, а нам совершенно необходимы сбережения в наличных!

– Ну... если у этой истории есть потенциал...

– Росс Хантер – человек, который спасает мир!

– Да уж, задача нелегкая.

– Но мой муж к этому готов?

– Да, твой муж к этому готов.

На мгновение Росс задумался о том, не рассказать ли ей, что сказал ему Кук о Рикки. И все-таки решил не говорить. Имоджен знала, что в момент смерти Рикки он испытал мистические переживания, но почему-то, несмотря на свое религиозное воспитание – или, быть может, как раз благодаря ему, – относилась к этому скептически.

– Как продвигаются у моего мужа дела с рукописью, которая поможет ему спасти мир?

– Твой бедный муж сейчас на пятьдесят третьей странице – из тысячи ста сорока семи – и, боюсь, уже теряет волю к жизни.

– Держись, мой храбрый воин!

– Хм... – Он отхлебнул еще пива. – Не хочешь тоже посмотреть? В конце концов, из нас двоих верующая ты.

– Хорошей христианкой меня назвать сложно. Хотя, знаешь, кое-что в Библии сказано четко: не стоит верить ни медиумам, ни тому, что приходит через них.

– А самой Библии-то можно верить?

Имоджен бросила на него укоризненный взгляд.

– Извини. Просто, на мой взгляд, все это очень странно.

– И что же? Эти странности открывают твоё сознание – или старые раны?

– Ты о Рикки?

Она кивнула.

– Просто не знаю, что и думать. Я... сознание, как ты говоришь, у меня открыто. Я готов принять что-то новое. В последние дни много думал о Боге и религии, «погуглил» кое-что, посмотрел пару дебатов между Докинзом и верующими... И вот к чему пришел: если Бог есть – пожалуй, мне его жаль.

– Почему?

– Что бы он ни делал, окажется в проигрыше. Вот в этой деревушке священник молит его о том, чтобы не было дождя и деревушку не смыло наводнением. А в соседней крестьянин молит о дожде, чтобы вырастить урожай. И как Бог должен выбирать между ними?

- Он поможет тому, кто в большей нужде.
- Тогда такой случай: восьмилетняя девочка умирает от опухоли мозга. Кто тут в большей нужде: девочка, которая хочет жить? Ее несчастные родители, которые не хотят хоронить дочь? Или опухоль, которая хочет ее уничтожить? И откуда взялась эта опухоль? Ее создал Сатана ради развлечения – или Бог с какой-то целью?
- Милый, так нельзя думать!
- А как можно? Это, знаешь ли, первый вопрос, которым задаются люди: если Бог существует, почему он допускает страдания?
- Хочешь устроить со мной долгий богословский диспут?
- Росс улыбнулся и потряс головой.
- Ну уж нет! Сегодняшний вечер я посвящу чтению. Чтению такой занудной тягомотины, что по сравнению с ней инструкция к пылесосу – просто-таки роман о Джеке Ричере². Книжке, которая спасет человечество, – или рукописи из Ада?
- Если ее передали через медиума, скорее второе. А завтра у тебя интервью в Бристоле?
- Да.
- Поезжай на поезде – сможешь почитать в дороге.
- Мне понадобится машина. Хочу на обратном пути заехать посмотреть на Колодец Чаши.
- Так поезжай на поезде, это даст тебе несколько часов для чтения, а для обратной дороги найми автомобиль. Ведь газета оплачивает твои дорожные расходы.
- Отличная мысль. Так и сделаю. Жаль, человек Божий не передал Гарри Куку свое откровение аудиофайлом – можно было бы послушать за рулем...
- Жена покачала головой.
- Слишком опасно. А вдруг ты уснул бы за рулем?
- Тоже верно! – он улыбнулся.
- А мне из-за Калигулы пришлось отказаться от сказочного предложения, – пожаловалась Имоджен.
- Какого?
- Неделя ныряния на Мальдивах. На двоих, туда и обратно в бизнес-классе, все такое...
- А надо лишь написать статью в журнал о путешествиях.
- Оба, Росс и его жена, увлекались дайвингом и имели сертификаты PADI. И отдохнуть под ласковым солнцем было бы сейчас очень кстати. Увы, с грустью подумал Росс, из-за ребенка о совместном подводном плавании придется забыть надолго.
- Жаль... Что ж, когда маленький засранец подрастет, обязательно с него взыщем!
- Имоджен улыбнулась и протянула мужу свой телефон.
- Смотри, в «Инстаграме» сто девять лайков!
- На фотографии Росс читал в кресле, а рядом с покорным видом сидел Монти. Подпись под фото гласила: «Монморенси терпеливо ждет, пока хозяин закончит с рукописью и поведет его гулять».
- Здорово! – ответил Росс.
- После ужина, заполировав пиво половиной бутылки очень неплохого австралийского «Шираза», Росс вернулся в кабинет, захватив с собой остатки вина и бокал. Сел в кресло, наполнил бокал и снова углубился в чтение. Местами он, кажется, узнавал библейские цитаты:

² Джек Ричер – герой серии остросюжетных романов Ли Чайлда.

Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая³.

Через полчаса Росс отложил рукопись на пол, почувствовав, что ему необходима передышка. Подошел к столу, открыл «Твиттер» и набрал твит:

*Как думаете, что могло бы стать абсолютным #доказательствомБога
#еслилиБог*

Отправив твит, журналист повторил то же сообщение в «Фейсбуке», а затем вновь принялся за чтение. С тоской продирался он сквозь занудный и малопонятный текст, все чаще зевал и тер глаза. Наконец голова его свесилась на грудь, и глаза сами собой закрылись.

³ Откр. 21:8.

Глава 13

Вторник, 21 февраля

Во сне за Россом гонялись демоны в развевающихся белых хитонах – с ревом, словно самолеты, атаковали его с воздуха. Звук падения вырвал его из сна. Росс вздернул голову и заморгал, недоуменно оглядываясь вокруг, пытаясь понять, где он. На столе горела лампа. Рукопись Кука соскользнула с его колен, и листы разлетелись по полу.

«Черт! Сколько времени?»

Взглянул на часы – и с ужасом увидел, что уже 2.20. Он заснул в кресле.

«Черт, черт, черт!»

Рано утром ему выезжать в Бристоль. У него интервью на радио «Би-би-си», на тему влияния лоббистов в Парламенте. Об этом он недавно опубликовал в «Санди таймс» журналистское расследование, вызвавшее много пересудов. Газета уже заказала ему продолжение, и Росс даже подумывал написать на эту тему книгу, так что интервью с известной радиожурналисткой было ему очень кстати – помогло бы лучше подготовиться и понять, как отбивать возможные атаки. Он должен быть в хорошей форме! До Бристоля сто семьдесят миль. На поезде с вокзала Виктория – часа три. В дороге можно почитать. Если повезет – и если хватит сил, – он одолеет еще несколько сотен страниц чертовой рукописи.

Хотя, по совести сказать, Росс все меньше понимал, зачем тратит время на доктора Гарри Кука.

Ничего не убирая, он почистил зубы, тихо прошел в спальню, разделся и скользнул под одеяло, к безмятежно спящей Имоджен.

Порой ему не удавалось заснуть без снотворного; но сейчас для таблеток было слишком поздно – приняв снотворное среди ночи, он все утро будет клевать носом. Росс откинулся на подушку, снова прокручивая в уме разговор со странным стариком.

«Мистер Хантер, мы с вами призваны спасти мир».

Судя по тому, что он успел прочесть, рукопись больше всего напоминает бессвязный бред сумасшедшего. Отрывки из Библии, надерганные без складу и ладу, перемежаемые отрывочными фразами и заметками. Некоторые слова и целые фразы подчеркнуты. Или он что-то упускает?

Уроки религии в школе наводили на Росса безмерную скуку. Еще в подростковом возрасте он как-то попытался прочесть Библию – и не сумел. Но даже Библия не шла ни в какое сравнение с рукописью, через которую он продирался весь вечер. Одолел восемьдесят пять страниц – из тысячи ста сорока семи. Может, дальше будет лучше? В этом Росс очень сомневался. И все же что-то подсказывало ему: нужно прочесть – или хотя бы проглядеть – до конца.

Три часа на поезде до Бристоля. Три часа спокойного чтения.

Чтения рукописи из Ада.

Как там говорят – дорога в Ад вымощена благими намерениями?

Глава 14

Вторник, 21 февраля

Оранжерея находилась достаточно далеко от дома, так что ни шум, ни вонь от шести обезьян, запертых в клетках, Эйнсли Блур и его жену не беспокоили.

В каждой клетке имелся компьютерный терминал, подключенный к принтеру с бесперебойной подачей бумаги. Каждый вечер, вернувшись домой, и каждое утро, перед тем как уйти на работу, Эйнсли Блур проверял, как идет его эксперимент.

Прошло уже больше трех недель – и пять обезьян из шести, несмотря на бесперебойную выдачу лакомств в награду за удары по клавиатуре, никак не могли понять, что от них требуется. Они рвали бумагу, жевали и выплевывали, а с клавиатурой играли, таская и швыряя ее по клетке, или использовали как туалет.

Но шестая обезьяна – капуцин по кличке Борис из клетки номер шесть – оказалась настоящим гением. На него-то Блур и возлагал все надежды. И сейчас глава фармацевтического гиганта «Керр Клуге», в тренировочном костюме и кедах, со всех ног неся по дорожке, ведущей от оранжереи к дому. Промчался мимо бетонной площадки, где высился полускрытый ночным мраком двухмоторный вертолет «Августа», пересек лужайку для крокета, вошел в дом через боковую дверь и взбежал по лестнице наверх, в спальню.

– Ты только взгляни! – воскликнул он. – Силла, милая!

Белый шиацу по кличке Йети, испуганный его криком, спрыгнул с кровати.

Было без четверти семь. Силла, жена Блура, рано вставать не любила: стоит разбудить ее до восьми – будет ворчать весь день. Но сейчас дело того стоило!

Блур зажег ночник у кровати и сунул жене под нос лист распечатки, с торжествующей улыбкой ожидая ее реакции.

Силла заморгала и уставилась на бумагу. Глазам ее предстали ряды букв, перемежаемых цифрами, символами и знаками препинания. На первый взгляд, никакого смысла в них не было. На второй – тоже.

– И на что же, дорогой мой, я здесь должна смотреть? – спросила она обычным саркастическим тоном.

– Вот на это! – И он ткнул пальцем в букву, обведенную красной ручкой. – «Я»!

Она, нахмурившись, подняла на него взгляд.

– Я, наверное, чего-то не понимаю...

– «Я»! Видишь? «Я», «я», «я»!

– Ты что, пьян?

– В такую рань? И не думал пить.

– Ты разбудил меня, чтобы показать букву «я»?

– Милая, да неужели ты не видишь? – нетерпеливо воскликнул Блур.

– Вижу букву «я». И что с того?

– Нет, не букву – ты видишь слово «я»!

– Слово?

– Смотри. С обеих сторон – пробелы. А сама буква заглавная! Неужели не понимаешь, что это значит?

– Ты меня совсем заморочил. Объясни, пожалуйста, по-человечески.

– Да это же прорыв! – Эйнсли Блур потряс кулаками в воздухе. – Это... это грандиозно! Это первый шаг к абсолютному доказательству, что Бога не существует!

Силла сонно уставилась на него.

– Буква «я»? Ты точно не приложился к бутылке?

– Ну неужели не понимаешь?!

- Нет, не понимаю. И прекрати, пожалуйста, говорить загадками!
- Хорошо. Борис...
- Твоя обезьяна?
- Да, Борис! Это напечатал Борис! Видишь теперь? Теперь понимаешь?
- Нет, извини, все равно не понимаю. Буква «я» с пробелами с обеих сторон. Изволь пояснить: что я упускаю?
- Милая, да это же слово! Осмысленное слово! Да, потребовалось три недели – но мы этого добились! Обезьяна напечатала слово!
- Силла уставилась на распечатку.
- Думаешь, он понимает, что это слово значит?
- Да какая разница! Даже поверить не могу, что ты об этом спрашиваешь!.. Это же потрясающе! Невиданно и неслыханно! Никогда еще не случалось, чтобы обезьяна напечатала осмысленное слово!
- Ну, лично я подожду радоваться, пока он не докажет твою теорию – не напечатает полное собрание сочинений Шекспира в правильном порядке.
- Да ты ничего не понимаешь!
- Ой ли? Тогда объясни, что понимаешь ты.
- Друг атеиста Энтони Флю провел такой же эксперимент. Усадил обезьяну за пишущую машинку с постоянной подачей бумаги. За двадцать восемь дней обезьяна напечатала сорок страниц чепухи. В ней не было ни единого осмысленного слова. Даже «я», отделенного пробелами. Он провел математические расчеты – и заявил, что все ресурсы Земли истощатся до того, как обезьяна сумеет напечатать что-нибудь осмысленное; это, в его глазах, стало доказательством существования Бога. Но он ошибался! Отметь в своем ежедневнике: сегодня великий день! День, когда Эйнсли Блур начал опровергать существование Бога раз и навсегда!
- Сколько шума из-за одного «я», – пожалв плечами, проговорила Силла, зевнула, подождала к себе собаку и снова погрузилась в сон.

Глава 15

Вторник, 21 февраля

– Спасибо, Росс Хантер, – произнесла радиоведущая Салли Хьюз, склонившись к микрофону в небольшой студии. – Дорогие радиослушатели, если вы хотите прочесть захватывающую статью Росса Хантера о политических лоббистах – вы можете найти ее на сайте «Санди таймс». – Она продиктовала ссылку на сайт, глубоко вздохнула и продолжала: – Вы слушаете радио Би-би-си в Бристоле. Время приближается к часу дня, и с вами Рори Уэстерман с последними новостями о путешествиях и о погоде. После новостей – программа «Наша кухня» с Чарли Бувье, лауреатом конкурса «Шеф-повар». А я вернусь к вам в два часа дня, и мы поговорим со следующей нашей гостьей, романисткой Вэл Макдермид.

Наклонившись вперед, она нажала какую-то кнопку – красная лампочка с надписью «ЭФИР» погасла – и улыбнулась Россу.

– Все нормально прошло? – спросил он.

– Отлично!

Журналист допил последний глоток остывшего кофе из кружки и подхватил с пола рюкзак, в котором покоилась рукопись Кука.

– У вас сейчас другие интервью в Бристоле? – спросила Салли.

– Нет, сейчас я домой. В Сассекс через Гластонбери, на арендованной машине. Хочу кое-куда заглянуть по дороге, пока светло.

– В Гластонбери?

– Ну да.

– Вы там уже бывали?

– Был пару лет назад.

– Обязательно взгляните на Колодец Чаши. Потрясающее место – очень... очень духовное.

– Как вы сказали? «Колодец Чаши»?

– Да.

– Странно, что вы об этом упомянули, – заметил Росс. – Собственно говоря, как раз туда я и направляюсь. Что вы знаете об этом месте?

– Довольно много. Мой дядя – один из попечителей фонда заповедника.

– Ваш дядя – попечитель Колодца Чаши? – изумленно повторил Росс.

– Да, Джулиус Хелмсли. Женат на сестре моей матери. А что?

– Вот так совпадение!

– Совпадение?

Росс взглянул на свои часы, затем на часы на стене.

– Послушайте, у вас найдется время перекусить? Вам ведь сюда возвращаться только в два часа, верно?

– В двух минутах отсюда есть кафе. И бутерброд мне сейчас точно не помешает.

– Мне тоже.

Десять минут спустя они сидели за столом: Салли Хьюз ела бутерброд с тунцом и прихлебывала зеленый чай, Росс взял себе двойной эспрессо, диетическую колу и подогретый панини с сыром и ветчиной. Салли было на вид лет тридцать с небольшим. Ее улыбчивое лицо обрамляла буйная масса темных кудрей. Пожалуй, Салли нельзя было назвать красивой в обычном смысле, но от нее исходило ощущение ума, жизнелюбия и какой-то внутренней теплоты, которая сразу привлекла Росса. Кроме того, ему очень понравился ее бархатистый, с легкой хрипотцой голос – идеальный для радио-ведущей.

Одега она была весьма неформально: черный свитер с высоким воротом, джинсы и ботинки. На шее золотая цепочка, на пальцах несколько колец... Как заметил Росс, безымянный палец свободен.

– Так что же за совпадение?

В ответ Хантер рассказал ей всю историю своего знакомства с Гарри Куком. Когда он закончил, некоторое время они сидели в молчании.

– И что вы об этом думаете? – спросил он наконец.

– А вы? – откликнулась Салли.

– Возможно, он просто псих. По крайней мере, так я думал, пока вы не упомянули Колодец Чаши.

– Вы верите в Бога? – спросила она.

– Скорее всего, я что-то вроде агностика. В ранней молодости считал, что ни во что не верю. Потом, когда мне было двадцать с небольшим, кое-что произошло.

– Что же?

– Ну... мне сложно об этом говорить. Слишком личное.

– Слепящий свет по дороге в Дамаск?

– Что-то вроде того. А вы? – спросил Росс. – Вы верите в Бога?

– В Бога или в Библию – нет. Хотя, думаю, что-то есть. Какой-то высший разум. По моему, если когда-нибудь будет доказано, точно и определенно, что нет ни Бога, ни жизни после смерти, нет ни вознаграждения, ни возмездия, – для человечества наступит черный день. Мы останемся наедине с отчаянием и бессмысленностью существования. Как вам кажется?

– Даже не знаю. Мне и без веры жилось очень неплохо, пока...

– Пока не произошло то, о чем вы не хотите рассказывать?

– Да. А что касается вашего дядюшки... как, вы сказали, его зовут?

– Джулиус Хелмсли. – Салли покачала головой. – Он директор фармацевтической компании – и не верит ни во что.

– Но при этом опекает известную религиозную святыню – Колодец Чаши?

– Дело в том, что у него в тех местах загородный дом. А научно-исследовательский отдел его компании базируется в Сомерсете. Вот они и взяли заботу о Колодце Чаши на себя. Своего рода благотворительность.

– Как думаете, ваш дядюшка не согласится со мной поговорить?

– О докторе Куке?

– Да, и о самом Колодце Чаши.

– Хорошо, спрошу у него и с вами свяжусь. – И она загадочно улыбнулась.

С каждой минутой эта женщина все больше привлекала Росса. Однако он упорно гнал от себя такие мысли. В конце концов, он женат и скоро станет отцом!

– Долго вам добираться отсюда в студию?

– Минут двадцать. И лучше я пойду, пока продюсер не начал бегать по потолку. Но вы так и не рассказали, что нашли в рукописи Кука.

– Пока что я ее читаю. И, по моему, все это полная чушь!

– Все, кроме координат, указывающих на Колодец Чаши?

– Возможно.

– И еще двух наборов координат, которых у вас пока нет. А хотите их получить?

– Конечно. Мои репортерские инстинкты требуют не останавливаться.

Салли поднялась.

– Очень приятно было с вами пообщаться.

– И мне.

– Будете снова в наших краях – обязательно позвоните.

– С радостью.

– У вас есть визитка? Дайте мне. Я поговорю с дядей, а потом позвоню вам или напишу.
Росс протянул ей свою визитную карточку, затем, тоже поднявшись из-за стола, неуклюже поцеловал ее в щеку.

– Значит, будем на связи.

– Хорошо. А может быть, как-нибудь снова заедете ко мне на передачу и расскажете о Гарри Куке?

– О человеке, спасшем мир?

– И о въедливом репортере, который ему помог.

– Только вообразите: здесь, – проговорил Росс, постучав по огромному рюкзаку, – кроются величайшие тайны мира!

– Что ж, на ваших плечах действительно *тяжелая* ответственность!

Салли уехала к себе на студию, а Росс подошел к кассе, чтобы расплатиться за обед. Странное совпадение. Дважды за два дня он слышит о Колодце Чаши. Очень, очень странно. Совпадение... или, быть может, знак?

Глава 16

Вторник, 21 февраля

С сорок четвертого этажа небоскреба «Керр Клуге», который сотрудники прозвали «таблетницей», из панорамного окна во всю стену открывался красочный вид на северный берег Темзы. Отсюда, с верхнего этажа цитадели из стекла и бетона, правил своей империей Эйнсли Блур.

Научно-исследовательский отдел КК, расположенный в сомерсетской глуши, выглядел совсем не так впечатляюще. Завод, выстроенный вдали от людского жилья и тщательно охраняемый, возвышался над землей всего на три этажа. Но настоящая работа шла под землей – на семи подземных уровнях. Отчасти такая секретность была связана с тем, что «Керр Клуге» ставила эксперименты на животных – и не желала, чтобы в ее работу вмешивались экологи и защитники природы. Однако наиболее секретным направлением ее работы была генетика. Здесь, в подземном бункере, таились от любопытных глаз самые мощные и хорошо оборудованные генетические лаборатории во всей Великобритании.

Блур и его совет директоров верили, что при помощи генетического секвенирования им рано или поздно удастся подчинить себе хронические болезни – диабет, псориаз, артрит, депрессию – и научиться облегчать такие опасные для жизни состояния, как болезнь Паркинсона, прогрессирующая деменция или рак.

Еще несколько минут назад Блур был очень доволен жизнью. Он только что подписал договор с одним из крупнейших поставщиков медицинских препаратов в Центральную Африку. Отличный способ сплавить лекарства, у которых истек срок годности! Кроме того, договорились о массовых поставках на Черный континент нового антигистамина, пользовавшегося большой популярностью в Европе и США, пока FDA не запретило его, обнаружив, что он сильно повышает риск смертности от сердечно-сосудистых заболеваний. Неделю назад казалось, что этот запрет может подорвать позиции «Керр Клуге». Но, как выяснилось, он пошел только на пользу.

Словом, Эйнсли Блур заключил отличную сделку – и готовился отпраздновать ее за обедом с несколькими ближайшими коллегами.

Кроме того, был у него и еще один, тайный повод для радости – успехи Бориса.

Сегодня с утра он прочел нотацию молодому, едва получившему степень врачу, только что поступившему в «Керр Клуге» на работу. Доктор слушал его, как оракула; Блур понимал, что все сказанное молодой сотрудник запомнит на долгие годы.

– Стивен, – говорил ему Блур, – о «Керр Клуге» вам следует знать одно, и только одно. Мы здесь, чтобы зарабатывать деньги. Все остальное нас не касается. Если наши лекарства кому-то облегчают жизнь – отлично; если нет – без проблем. Понимаете, о чем я?

Однако сейчас проблемы у директора компании имелись – и еще какие!

Он сидел за столом, приложив к уху телефонную трубку, невидящим взглядом следя, как далеко внизу по реке движется баржа. День был морозный и солнечный: в такие дни Лондон, по мнению Блура, красивейший город на свете, предстает взору во всей своей прелести.

Но сейчас и прекрасный вид его не радовал.

Мир, раскинувшийся под ногами, был полон возможностей. Еще непокоренных рынков. Новых патентов. Новых лекарств, проходящих сейчас последние стадии тестирования. Порой, знакомясь с людьми где-нибудь на вечеринках и слыша вопрос: «Чем вы занимаетесь?», Блур с усмешкой отвечал: «Веществами торгую!» – и наслаждался их замешательством, по лицам угадывая, что его принимают за нар-кодилера.

Сейчас улыбаться ему совсем не хотелось.

Все могущество «Керр Клуге» – как и других фармацевтических компаний, больших и малых – держалось на одном гвозде. На вере в невозможность *чудесных исцелений*. На том, что никто никогда не изобретет магическое средство, излечивающее болезнь быстро и навсегда. Ибо задача фармацевтических компаний состоит в том, чтобы облегчать состояние больных, продлевать их жизнь, продавать им все больше и больше своей продукции – но не в том, чтобы больные становились здоровыми и переставали нуждаться в лекарствах.

Дослушав своего собеседника до конца, Эйнсли Блур втянул воздух сквозь сжатые зубы – и коротко выдохнул в трубку приказ.

Глава 17

Вторник, 21 февраля

При помощи «Гугл»-карт и навигации на «Айфоне» Росс на маленькой арендованной «Тойоте» пробирался по задворкам Бристоля. На выезде из города, под указателями «Бат», «Шептон-Маллет» и «Уэллс» он свернул в сторону Уэллса и выехал на шоссе А37. Навигация обещала, что на месте он будет через пятьдесят четыре минуты.

Ливень прекратился, сквозь прорехи в тучах сияли клочки голубого неба. Росс от души радовался, что ему не придется бродить по Гластонбери под проливным дождем. И все же его не оставляло странное ощущение. Ощущение, что чего-то не хватает.

Он включил радио и крутил ручку настройки, пока не поймал музыкальную станцию с новой песней «Харт» – своей любимой группы. Слушал музыку, подпевал вполголоса, вспоминал разговор с Салли Хьюз... Однако странное чувство становилось все сильнее и сильнее. Он о чем-то забыл. О чем-то очень важном. Он...

И тут Росс вспомнил.

– Черт! – закричал он вслух. – Черт, черт, черт!

Рюкзак! Объемистый рюкзак с рукописью Гарри Кука остался на полу в кафе.

Как? Как он мог так оплошать?! Должно быть, от усталости и недосыпа.

Росс отчаянно оглядывался, ища, где бы развернуться. И впереди, и сзади дорога была плотно забита машинами. Затем перед глазами мелькнул съезд к магазину фермерской продукции. Тяжело дыша, с отчаянно бьющимся сердцем Росс включил поворотник и нырнул прочь с дороги вправо. Там развернулся, дождался «окошка» между машинами, вылетел на дорогу задом, подрезал грузовик, гневно загудевший ему вслед, и помчался обратно в Бристоль.

Господи! Всего одна копия!.. Что, если кто-то стащил рюкзак, решив, что там ноутбук? Как объяснить это Куку?!

Ему доверили тайну спасения человечества, а он на первом же шаге облажался!

Черт, черт, черт!

Впереди неторопливо плелся трактор. «Шевелись же!» – мысленно подбадривал его Росс. Попробовал обогнать – но впереди, до самой вершины холма, дорога была плотно забита.

Внутри у Росса все сжималось. Как, ну как он мог оказаться таким ослом? Что, если рукопись исчезла?

С грехом пополам ему удалось одолеть тысячу страниц. Разумеется, он только проглядывал их – поскольку, пытаясь читать как следует, вдумчиво, сразу обнаруживал, что ровно ничего не понимает. С большой радостью отослал бы он рукопись обратно Гарри Ф. Куку – однако обещал ведь ему, что прочтет, а слово надо держать. И потом, спасение человечества... Вдруг в этом все-таки что-то есть?

Разумеется, он в это не верил. Ни на грош.

Но от сегодняшнего странного совпадения – от того, что Салли тоже заговорила с ним о Колодце Чаши – не мог отмахнуться.

«Пожалуйста, пожалуйста, пусть рукопись будет на месте!»

Двадцать минут спустя Росс пересек двойную сплошную, затормозил у тротуара и влетел в кафе. Здесь почти никого не было. Журналист бросился в дальний угол, где сидели они с Салли, заглянул под столик.

Пусто!

На миг Россу показалось, что он сейчас, на месте, и умрет.

В следующую секунду его окликнули. Женский голос. Обернувшись, Росс увидел за стойкой рыженькую официантку – ту, что их обслуживала.

– Чем могу помочь?

– Я... я был у вас минут сорок назад. Забыл рюкзак. Вот здесь, на полу.

– А, конечно! Вам повезло – есть еще на свете честные люди! Какой-то джентльмен заметил ваш рюкзак и отдал мне.

Она нырнула под стойку и извлекла оттуда черный нейлоновый рюкзак.

– Ваш?

– Вы меня просто спасли! – дрожащим от облегчения голосом выдохнул Росс. Сейчас он готов был ее расцеловать.

Расстегнув рюкзак, проверил, на месте ли рукопись – она была на месте, – и поспешил обратно к машине.

Из-за пробок он добрался до Гластонбери только к четырем часам, за полчаса до закрытия Колодца Чаши. В городок вела узкая проселочная дорога: по обеим сторонам ее маячили унылого вида домишки, на самой дороге едва смогли бы разъехаться два грузовика. В какой-то момент обнаружился съезд на дорогу более широкую и благоустроенную: она поднималась вверх по крутому холму. Вдоль нее по правой стороне тянулась высокая серая стена с бело-зеленым указателем – стрелка и надпись:

МЕМОРИАЛ «КОЛОДЕЦ ЧАШИ»

Ярдов через пятьдесят в стене обнаружился проем, а рядом – еще один указатель, побольше. Росс свернул и попал на парковку на дюжину машин; впрочем, заняты были только два места. Чуть поодаль стояли несколько симпатичных домиков. Возможно, там продаются сувениры, сказал себе Росс. Интересно, а паба здесь нет?

Вокруг висели таблички:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В САДЫ И МЕМОРИАЛ «КОЛОДЕЦ ЧАШИ»!

«КОЛОДЕЦ ЧАШИ» – ЛАНДШАФТНЫЙ ПАРК
МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ.
ОХРАНЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВОМ.

ПАРКОВКА ТОЛЬКО ДЛЯ ИНВАЛИДОВ!

Ага, сказал себе Росс.

Еще одна табличка извещала, что обычная парковка располагается дальше по дороге, в двухстах ярдах отсюда.

Он развернулся, снова выехал на главную дорогу – и почти немедленно уперся взглядом в указатели, извещавшие о том, что здесь находятся парковка и сувенирный магазин «Колодца Чаши». Проехав немного вперед по дороге, явно недавно отремонтированной, увидел современное двухэтажное здание с вывеской большими белыми буквами «Р. Дж. Дрейпер и компания» и просторную пустую парковку перед ним. Вывеска извещала, что парковка стоит два фунта.

Рюкзак Росс достал и закинул на плечи, не рискуя оставлять его в машине. Заплатил, вернулся обратно пешком и остановился у входа, оглядываясь вокруг. Затем направился вверх по холму по мощеной тропинке. Скоро на глаза ему попала новая вывеска – перечеркнутый мобильник и подпись: «ПРОСЬБА ВЫКЛЮЧИТЬ ТЕЛЕФОНЫ».

Послушно поставив мобильник на беззвучный режим, Росс двинулся дальше. Миновав пряничные домики, подошел к деревянной будочке с окошком, где грустная женщина продавала билеты. Заплатил 4 фунта 20 пенсов и получил в придачу буклет с картой и кратким путеводителем.

– По этой тропинке я попаду на Гору? – спросил он.

– Нет-нет. – Она махнула налево. – Гора там, по другую сторону дороги. Если подниметесь еще немного, увидите указатели.

Росс поблагодарил и начал изучать карту. Все здесь оказалось куда более аккуратно и упорядочено, чем он ожидал, – не хуже, чем в приличном городском парке. Росс пошел вверх по тропе. Чуть подалее начинались некошенные луга, кое-где испещренные кустами и деревьями. Левая сторона, как видно, сохранялась в более или менее первозданном виде, а вот по правую, за изгородью, все было ухожено и подстрижено. Из округлого пруда, обложенного камнями, вытекал ржавого цвета ручей; через него был перекинут каменный мостик. «Пруд Нимба», – гласило пояснение на карте.

Еще немного вверх по холму – и глазам Росса предстали распахнутые кованые ворота, украшенные щитами, на которых блестели позолотой все те же слова: «КОЛОДЕЦ ЧАШИ».

Хантер достал мобильник и сфотографировал ворота.

Мимо прошел, катя перед собой тачку, старик в комбинезоне садовника, пожелал Россу доброго дня и скрылся за поворотом. Журналист двинулся дальше. Еще через несколько десятков ярдов – новый указатель; судя по нему, колодец находился прямо здесь. Подойдя к невысокой ограде, должно быть, очерчивающей границу святой земли, Росс увидел невысокую, словно вросшую в землю стену, и два ряда каменных ступеней, ведущих вниз.

А там, внизу, – Колодец.

Спускаясь по ступеням, Росс ощущал легкое разочарование. Бог знает, чего он ждал – но определенно чего-то более величественного, драматического. А святой Колодец оказался очень маленьким – не больше трех с половиной футов в ширину.

Спустившись по трем высоким ступеням, Росс остановился и поглядел по сторонам: земля вокруг выложена неровными плоскими плитами, сам колодец огорожен, чтобы никто туда не упал, на выпуклой крышке, закрепленной цепью, вырезаны какие-то символы.

Согласно путеводителю, вода в колодце никогда не пересыхает и имеет красноватый оттенок, символизирующий кровь Христа.

Росс сфотографировал святыню со всех сторон, затем открыл координаты Кука, которые сохранил у себя в телефоне. До указанного места было довольно далеко. Вскоре Хантер оставил позади ухоженную местность и зашагал по крутому склону холма, по колена в высокой траве. Примерно в двухстах метрах от колодца навигатор показал, что нужная точка достигнута.

Пятьдесят один градус восемь минут сорок секунд северной широты, два градуса сорок одна минута пятьдесят пять секунд западной долготы.

Кук рассказывал, что проверял это место с металлодетектором – и обнаружил, что под землей что-то есть.

Но кто-то здесь уже копался.

Росс замер, чувствуя, как волоски на коже поднимаются дыбом. Да, кто-то вел здесь раскопки, причем совсем недавно. Выкопали яму около четырех футов длиной и двух футов шириной, а затем засыпали. Засыпали землей и даже засеяли свежей травой – вон она, уже начала всходить...

Кто это сделал?

Должно быть, Гарри Кук. Кто же еще?

Странное чувство не отпускало Росса. Лучи заходящего солнца били ему в лицо; откуда-то издалека слышалось овечьё блеяние.

Если верить карте, здесь неподалеку есть сувенирный магазин. Средневековые монахи тоже не стеснялись зарабатывать на туристах. Быть может, всю историю про Иосифа Аримафейского и Чашу Грааля они попросту выдумали? Цинично – а вдруг правда?

Святой Грааль, согласно легендам – либо чаша, из которой пил Иисус на Тайной Вечере, либо сосуд, куда собрали его кровь после распятия. Или и то, и другое.

Из интернет-поисковиков в последние несколько дней Росс выяснил, что весьма себе обеспеченный Иосиф Аримафейский жил в Иерусалиме и с нетерпением ждал наступления царства Божьего. При жизни Иисуса он был его тайным учеником – афишировать подобную связь в те времена было, пожалуй, не слишком разумно, – но после смерти учителя получил у Пилата разрешение взять его тело и похоронить в роскошной гробнице, которую готовил для самого себя.

В одном из немногих более или менее ясных отрывков рукописи Кука говорилось, что дальше Иосиф, по не вполне понятным причинам, вынужден был бежать из страны. С собой он захватил несколько драгоценных святынь, в том числе и Чашу. После долгих скитаний добрался до Англии и основал здесь первую христианскую церковь – как утверждают некоторые, в Гластонбери.

Росс стоял на вскопанной лужайке и размышлял. «Допустим, я Иосиф. Мне пришлось бежать из родной страны и обосноваться в стране далекой, дикой, языческой. В странном месте среди холмов, с глубоким колодезем. С собой у меня драгоценный артефакт, когда-то принадлежавший Сыну Божьему, – материальная память о нем, единственное свидетельство его существования. Всего-навсего чаша, из которой он пил – или куда собирали его кровь. И все-таки какая-никакая связь с ним. Мне нужно спрятать эту чашу и сохранить для будущих поколений. Спрятать так, чтобы язычники не нашли ее и не уничтожили. Где же?»

Росс огляделся. «Будь на его месте, стал бы я просто зарывать драгоценный клад в землю? Сомнительно. Как-то это слишком просто».

Да, возможно, Кук обнаружил что-то под землей. Но мало ли что это могло быть! Ведь нет никаких свидетельств, что чаша, из которой пил Христос на Тайной Вечере, или сосуд, куда собирали его кровь, был из металла! Металл в то время стоил дорого. Скорее, чаша, которой пользовался скромный бродячий проповедник, была деревянной или глиняной. Если так – никаким детектором ее не распознать.

Росс взглянул вниз, на колодец, скрытый за завесой разросшихся кустов. Оглянулся вокруг – на кусты, деревья.

Он напряженно думал, пытался мысленно перенестись на две тысячи лет назад. Как выглядело это место в те времена? Что здесь находилось? И где можно было спрятать драгоценный артефакт?

Глава 18

Вторник, 21 февраля

Росс спустился с холма по бездорожью и зашел в сувенирный магазин, присмотреть там что-нибудь для детской. Однако на полках, полных маленьких сувенирных чаш, свечей и целебных бальзамов, не нашел ничего, что могло бы привлечь ребенка.

Разочарованный, он купил путеводитель и вышел на улицу. Пересек дорогу и начал подниматься вверх по тропе, которая, как сказала ему билетерша, ведет на вершину горы Гластонбери. Миновал дом нью-эйджерского вида с расписными цветами на стенах, каменную часовенку, выстроенную над источником. Вскоре слева показалась деревянная изгородь, которую он уже видел с другой стороны, когда шел к колодцу. Отсюда было видно, что изгородь стоит на прочном каменном фундаменте – вероятно, чтобы никто не попытался подлезть под нее и проникнуть в святое место без билета.

Справа круто вверх вела пешеходная тропа; «Гора Гластонбери» – гласил указатель. Росс начал подниматься по тропе, через несколько минут вышел на вершину горы... и у него перехватило дыхание.

Перед ним расстился сказочный пейзаж: зеленые холмы и валуны, напоминающие о Новой Зеландии, куда ездили они с Имоджен. Гора Гластонбери с семью симметричными уступами будто хранила дыхание истории. Здесь бывал король Артур: сейчас Росс полностью в это верил – и не просто верил, а ощущал так ясно, словно легендарный король стоял рядом.

Бескрайние поля вокруг, развалины башни Святого Михаила, невзрачные домишки городка Гластонбери далеко внизу, рассыпанные по полю белые фигурки овец – все несло в себе какое-то волшебство.

Солнце уже заходило, и свет померк. Росс взглянул на часы. Десять минут шестого. Впереди долгий путь домой – не меньше трех с половиной часов на арендованной машине. Пожалуй, на сегодня он повидал достаточно.

Вниз по холму вела другая тропа. Росс быстро спустился, набирая на ходу эсэмэску Имоджен о том, что до девяти будет дома.

Темной фигуры, притаившейся в тени развалин Михайловой башни и внимательно наблюдавшей за ним в бинокль, он так и не заметил.

Глава 19

Четверг, 23 февраля

С преподобным Бенедиктом Кармайклом Росс Хантер познакомился, когда этот священник занимал пост настоятеля в церкви Святого Петра в Брайтоне. С помощью Кармайкла Росс разоблачил сатанинскую секту, члены которой служили в сельской глубинке черные мессы и ритуально растлевали детей. В результате имя Хантера попало на первые страницы национальных газет, а с Кармайклом их с тех пор связала крепкая дружба. И Росс немало удивился, когда впервые узнал, что и этого человека – на вид нерушимого столпа веры – мучают сомнения.

Как-то за обедом в Льюсе, во время суда над лидером секты, Кармайкл – предварительно взяв с Росса слово, что это не попадет в печать – заговорил с ним о своих сомнениях. Сказал, что ему очень сложно понимать Библию буквально. В Бога он верует всей душой и сердцем, однако сомневается во многих учениях церкви – и особенно в буквальном понимании Писания.

Через несколько месяцев Бенедикт Кармайкл стал епископом Рединга, и Росс искренне за него порадовался. Не меньше радовался и год назад, когда Кармайкл, бегло говорящий по-валлийски, написал ему, что переходит на епископский престол в Монмуте.

Вернувшись домой из путешествия к Колодцу, Росс сразу позвонил Кармайклу, с которым не виделся много лет, и попросил о срочной встрече. Два дня спустя он остановил свой темно-серый «Ауди 4» на мощной парковке перед элегантным каменным особняком в сердце Монмута. День был солнечный и теплый. Росс вышел из машины, с удовольствием потянулся после долгой поездки и направился в дом. После нескольких минут ожидания улыбаясь пожилая секретарша Кармайкла повела его наверх, затем по узкому коридору в небольшой уютный кабинет епископа.

Кармайкл сидел за столом, в расстегнутом черном пиджаке и темно-красной рубашке со стоячим воротничком; на его груди блестел большой золоченый крест. За прошедшие годы он заметно пополнил, волосы поседели и поредели, однако лицо осталось молодым, и в глазах светилась все та же искренность и любовь к жизни.

Он поднялся навстречу гостю и тепло его обнял. Затем они опустились в кресла, секретарша принесла на подносе кофе с печеньем, и некоторое время оба болтали о том о сем, вспоминая старые времена.

– Росс, ты говорил, что у тебя какой-то срочный разговор? – начал наконец Кармайкл. Голос у него был глубокий и теплый – густой баритон, словно созданный для того, чтобы заполнять собой собор, полный молящихся прихожан, или уверенно и бесстрашно отвечать на острые вопросы интервьюера на «Радио-4».

Хантер открыл рюкзак и достал оттуда рукопись Кука.

– Что это? Ты написал книгу?

– Нет. Похоже, эту книгу написал Бог, – ответил Росс.

Кармайкл приподнял брови.

Журналист рассказал ему всю историю – начал со звонка Кука, закончил разговором с Салли Хьюз и посещением Колодца.

Когда он закончил, епископ некоторое время молчал, задумчиво макая печенье в кофе.

– Хм-м... Зная тебя, рискну предположить, что о докторе Куке ты уже разузнал все, что можно?

– Да, и все подтвердилось. Служил в армии, затем преподавал историю искусств в Бирмингемском университете. Там же преподавала его покойная жена Дорин. Единственный сын также служил; был убит «дружественным огнем» в Афганистане. Ни судимостей, ни приводов в полицию – словом, самый обычный человек. В юности играл в шахматы, побеждал в соревно-

ваниях. Помимо своей научной области, интересуется биологией и антропологией. Несколько лет назад опубликовал несколько статей, в которых подвергал сомнению дарвиновскую теорию эволюции и поддерживал Ламарка.

– Ламарка? Жана-Батиста Ламарка?

– Да.

Раскисший кусочек печенья оторвался и пошел на дно чашки. Нахмурившись, епископ выловил его чайной ложечкой и положил на блюдце.

– Любопытно. Ламарк всегда меня интриговал. Возможно, ты знаешь: если Дарвин утверждал, что живые организмы эволюционировали в результате естественного отбора, то Ламарк – что это происходило по необходимости. Что если достать лягушку из воды и заставить жить на суше, то через несколько поколений у нее утратятся перепонки и разовьются подушечки на лапах.

– Но он, как и Дарвин, был деистом – разве не так, Бенедикт?

– Вот с этим я не спешил бы. Если б Ламарк знал о существовании генов, он мог бы сказать: мозг лягушки реформирует ее гены таким образом, что перепонки исчезают, а вместо них появляются подушечки. Однако что – или кто – реформирует лягушачий мозг? Впрочем, насколько я понимаю, не для этого ты сюда приехал. – И, похлопав по объемистой рукописи, епископ спросил с легким сомнением в голосе: – Хочешь, чтобы я это прочел?

Росс покачал головой – и немедленно увидел на лице у собеседника облегчение.

– Нет. Просто хочу узнать твое мнение о том, что я тебе рассказал. Об истории доктора Кука.

– Честно?

– Разумеется! Для того и приехал, чтобы услышать честный ответ.

– Итак, доктор Кук утверждает следующее: с ним связался Бог и сообщил, что хочет восстановить в человечестве веру в себя, дабы увести мир от края пропасти. Для этого Он передал три набора географических координат мест, где якобы можно найти доказательства Его существования. Местонахождение Святого Грааля, еще какого-то важного предмета, имеющего отношение к Иисусу Христу, и место грядущего Второго Пришествия. Верно?

– Все так.

– Это противоречит известной максиме, что доказательство – враг веры. Или же представляет ее в совершенно новом свете.

– Бенедикт, так что ты об этом думаешь?

Епископ на пару секунд прикрыл глаза.

– Откровенно говоря, трех наборов координат для доказательства бытия Божия явно недостаточно. Будь я Господом и желай доказать кому-то свое существование, действовал бы иначе. По крайней мере, лично мне требуется нечто куда более убедительное.

– Любопытно, – ответил Росс. – Несколько дней назад я спросил у своих читателей в соцсетях: что они сочли бы абсолютно убедительным доказательством существования Бога?

– И, должно быть, получил немало интересных ответов? – приподнял бровь Бенедикт.

– Несколько человек заявили, что за один такой вопрос я заслуживаю вечного проклятия. Хотя были и вполне разумные ответы.

– Например?

– Кто-то написал, что хотел бы обнаружить на стене гробницы Христовой выгравированную двойную спираль ДНК. – Он поднял взгляд на Кармайкла.

Того, по-видимому, это не впечатлило.

– Росс, такую штуку очень легко подделать.

– Да, наверное. Еще один предложил решить какую-нибудь из самых известных нерешенных математических задач. Уравнение Янга-Миллса, например, или теорему о пропусках. Или все семь «великих загадок» математики.

– Идея интересная, но скептики не примут и это – отнесут решение за счет продвинутых компьютерных алгоритмов.

Росс улыбнулся.

– Хорошо, а что убедило бы тебя, Бенедикт? Или так: будь ты Богом, желающим убедить мир в своем существовании, что бы сделал ты?

Росс откусил от печенья. На некоторое время воцарилась тишина, прерываемая только хрустом выпечки. Откинувшись в кресле, епископ задумчиво сплетал и расплетал пальцы.

– Нужно что-то такое, что убедит самых закоренелых атеистов. Такое, чему невозможно придумать объяснение, от чего нельзя просто отмахнуться. Что-то, явно нарушающее физические законы нашей вселенной. Иными словами, чудо. И очень серьезное чудо.

Росс на секунду задумался.

– Например, пройти по воде, аки посуху?

– Мы живем в куда более скептическом мире, чем во времена Иисуса, – ответил Кармайкл. – Большинство из нас видели и Дэвида Блейна, и Динамо, и Дэррена Брауна, и бесчисленное множество других фокусников и иллюзионистов. Здесь нужно что-то очень зрелищное, такое, что увидит весь мир – и от чего нельзя будет ни отмахнуться, ни подобрать этому научное объяснение.

– Например, если солнце взойдет не на востоке, а на западе?

– Да, примерно так.

– Понятно, – ответил Росс. – И что, если кто-то способен совершить такое чудо?

Губы Кармайкла изогнулись в невеселой усмешке.

– Хочешь знать, что я действительно об этом думаю? Без благоглупостей и уверток? Хорошо. Если кто-то заявит, что располагает абсолютным доказательством бытия Божия, и если будет хоть малейшее основание принять слова этого человека всерьез, – его немедленно убьют.

Глава 20

Четверг, 23 февраля

Наверное, это была лишь игра воображения – но Россу показалось, что после этих слов в комнате заметно потемнело. Окно находилось у него за спиной, и ему не хотелось оборачиваться.

– Убьют? – повторил он. – То есть подошлют убийц? Бенедикт, почему ты так думаешь? Епископ поднял обе ладони.

– Я вовсе не уверен, что абсолютное доказательство Бога – если оно вообще возможно – предотвратит катастрофу и вернет мир на правый путь, как считает доктор Кук. На мой взгляд, результат будет обратным. Подумай о последствиях. Подумай, каким ударом станет это для множества мировых религий. Они погрузятся в хаос. В отчаяние. Много столетий они верили, что только в их религии содержится истинный путь к Богу – и вдруг окажется, что это не так! А как обезумеют фанатики всех конфессий и деноминаций! В какой ужас придут те, у кого с религией связаны серьезные коммерческие интересы! Что произойдет с авраамическими религиями? Какой Бог явит нам свое существование – католический, англиканский, иудейский, исламский? А как насчет индуистов? Сикхов? Найдутся фундаменталисты, которые сочтут все это богохульством и придут в бешенство. Да и воинствующие атеисты будут не слишком-то счастливы, верно?

Росс молча смотрел на него. Кармайкл ответил ему невеселой улыбкой.

– Для множества людей, Росс, это станет катастрофой. Они лишатся и доходов, и положения, и дела жизни.

– Начиная с Ватикана?

– Ватикану придется особенно туго. Они считают себя единственной истинной христианской церковью, – но теперь им придется пойти на что-то из ряда вон выходящее, чтобы утвердить свое первенство. И это еще не всё. Доказательство бытия Божия легитимизирует притязания евреев на Землю обетованную – с огромными последствиями для Палестины и Ирана. Путин в России скрепя сердце терпит церковь как союзницу, однако едва ли допустит резкое увеличение ее влияния и авторитета. Еще тяжелее будет в Китае. Он сейчас борется за звание мировой державы, балансирует на тонкой грани между капиталистическим развитием и сохранением автономии. Официально Китай – страна атеистическая, но в подполье там имеется достаточно крупная церковь. Если подтвердится существование Бога, это перевернет всю систему власти: люди начнут повиноваться прежде всего не земным лидерам, а высшему существу.

Росс молчал, пытаясь переварить услышанное. Хотя внешне он оставался спокоен, внутри все бурлило при мысли о потенциале этой истории – если, конечно, за словами Кука кроется хоть что-то существенное.

А может быть, даже если нет.

– Бенедикт, мне все это и в голову не приходило!.. Да, пожалуй, именно так.

Кармайкл вновь усмехнулся скупой усмешкой. Затем лицо его посерьезнело.

– Многие мировые религии, Росс, это не только системы верований, но и огромные корпорации. И абсолютное доказательство бытия Бога разрушит их бизнес. Множеству людей это вовсе не нужно. Кроме того, стоит учесть и еще один фактор. Очень важный фактор.

Он помолчал, озабоченно покачивая головой. Росс терпеливо ждал.

– Меня смущает, что эта информация была получена через медиума – человека, общающегося с духами. Это сомнительный путь. Что, если мы имеем дело с Антихристом? Библия гласит, что дьявол хитер, он – мастер маскировки. Я ничего не утверждаю, но, могу тебя заверить, множество верующих первым делом подумает об этом. И такой вариант очень опасен.

– Опасен? – повторил Росс, пытаясь уложить в голове все услышанное. – Подожди, Бенедикт, что ты хочешь сказать? Что, возможно, Кук действительно получил послание свыше, только не от Бога, а от Антихриста?

– Из Писания нам известен случай, когда – один раз и в исключительных обстоятельствах – Бог позволил мертвецу общаться с миром живых через медиума. Когда царь Саул обратился к Эндорской волшебнице, ему явился пророк Самуил и предсказал Саулу скорую смерть. Если нынешняя ситуация столь же драматична – а ты утверждаешь, что так, – возможно, Бог снова сделает исключение.

Улыбнувшись, епископ продолжал:

– Я хочу, чтобы ты взглянул на дело с разных сторон и осознал возможные последствия. Такое доказательство бытия Божия, о котором ты говоришь, не объединит мир. И, по моему мнению, вовсе не спасет человечество. Скорее уж вызовет по всей земле еще более страшные потрясения и раздоры, чем сейчас. Мой совет тебе, как старому другу: верни мистеру Куку его рукопись, извинись и скажи, что не участвуешь в этом.

– А как же все, что сказано в Новом Завете о Втором Пришествии?

– В Евангелиях Иисус говорит, что перед Вторым Пришествием явятся лжепророки, начнутся катастрофы, войны, голод, землетрясения, всевозможные бедствия и жестокие гонения. Апостол Иоанн заходит еще дальше: он пишет, что перед пришествием Иисуса должен явиться Антихрист.

– Я не так хорошо помню Библию. Мне казалось, Второе Пришествие произойдет мгновенно: Иисус просто явится, чтобы спасти мир от уничтожения, чтобы судить живых и мертвых, создать новые небеса и новую землю. Разве не так?

– Да, в это верят большинство христиан. Второе Пришествие – событие, веру в которое разделяют и христиане, и мусульмане.

– А иудеи?

– Ортодоксальные иудеи веруют в пришествие Мессии.

– А он – не Иисус?

– Нет, Иисуса они считают лже-Мессией. Но Второе Пришествие не произойдет вот так вдруг, с ясного неба. Многие места в Библии позволяют заключить, что у него будет предтеча, подобно тому, как в первый раз предтечей Иисуса стал Иоанн Креститель. Иудеи верят, что перед Мессией воскреснет пророк Илия и возвестит близость Царства. Иисус тоже говорил о том, что Илия еще вернется на землю.

– Как все это сложно и запутанно! – Росс нахмурился.

– Верно. И неудивительно – ведь речь идет об очень важном событии.

– Бенедикт, а что думаешь о Втором Пришествии ты сам?

Кармайкл снова помолчал. Улыбнулся все той же непроницаемой улыбкой. И после недолгого молчания ответил:

– Росс, я говорю с тобой как друг, озабоченный твоим благополучием. Ты ступаешь на незнакомую тебе почву. Незнакомую и очень опасную. Дело не только в сложности мировых религий, не только в фанатиках, убежденных в истинности исключительно своей веры. Прежде всего религия – это бизнес, огромный и безжалостный. Доказательство бытия Бога серьезно затронет интересы множества людей. Приведу такой пример: допустим, ты торгуешь какими-нибудь шарлатанскими снадобьями, обещая людям исцеление от рака – и вдруг узнаешь, что вот-вот будет изобретено настоящее лекарство от рака, действительно спасающее людей? И ты не сможешь контролировать его распространение? Что ты сделаешь?

– Неужели, если Иисус Христос действительно вернется, это вызовет такое неприятие?

– Когда мы с тобой познакомились, ты рассказал мне, что прежде был неверующим, но после смерти своего брата-близнеца начал допускать существование чего-то сверхъестественного. Верно?

– Верно.

– Что же, теперь ты готов принять и существование Иисуса?

– Возможно, – ответил Росс. – Думаю, Иисус существовал. Хотя о том, был ли он Сыном Божьим или обычным человеком, я по-прежнему судить не готов.

– Когда он пришел в первый раз – две тысячи лет назад, – его казнили. Думаешь, теперь будет иначе?

– Гарри Кук думает, что да.

– В наши дни, Росс, возвращение Иисуса должно сопровождаться чем-то поистине необыкновенным. Каким-то чудом и знамением, очевидным для всех и каждого – тем, что действительно всех объединит.

– Например?

– Не знаю. Речь идет о чем-то таком, чего никто из нас никогда не видел, что невозможно даже вообразить. Но что это будет – мне неизвестно. – И на губах епископа вновь появилась все та же скупая, загадочная улыбка.

Глава 21

Четверг, 23 февраля

Пастор Уэсли Венцеслав постоянно был в разъездах – однако две ночи в неделю старался проводить под крышей дома в «Гефсиманском саду», в частном крыле, где жила его семья. Вот и сейчас он помог Марине выкупать и уложить в постель троих детей – Мэтью, Марка и Рут, восьми, шести и четырех лет, – прочел им на ночь небольшой отрывок из Нового Завета, а затем преклонил вместе с ними колени и произнес молитву о том, чтобы Бог помог им быть хорошими людьми и осыпал своими неисчислимыми благословениями.

Затем Уэсли обычно ужинал вместе с женой. Еда готовилась на личной кухне Венцеслава под руководством шеф-повара, на стол подавал вышколенный и невозмутимый дворецкий. Начинали Уэсли и его жена с бокала «Крюга», продолжали красным или белым вином – в зависимости от того, подавалось ли на стол мясо или рыба. После ужина пастор удалялся к себе в кабинет, чтобы просмотреть отчеты о финансовых поступлениях из церквей, о том, как продаются его книги и символика, о прибыли от телефонной службы и интернет-службы «молитв по запросу» и о прочих источниках доходов.

Проверка доходов превратилась у пастора в ежевечерний ритуал; даже вдали от дома этот ритуал он не пропускал никогда.

Ничего Уэсли Венцеслав так не боялся, как снова стать бедным.

Отца он не знал – тот бросил мать беременной. Дни и ночи мать мыла полы, чтобы на столе в доме была хоть какая-то еда, а на скудные излишки покупала лотерейные билеты – и страстно надеялась выиграть. Мать была глубоко религиозна, и почти все воскресные дни они сыном проводили в церкви. Она предпочитала англиканскую церковь, а на бодрых улыбчивых евангелистов смотрела с подозрением – хоть маленькому мальчику они и казались гораздо привлекательнее. В доме не было телевизора, не было книг, кроме Библии и комментариев к ней: вся прочая литература, по мнению матери, была полна мирских соблазнов. Мальчик быстро научился читать и, сидя вечерами один, прочел от корки до корки всю Библию – больше дома заняться было нечем. Библейские истории завораживали его, но и пугали.

Из Священного Писания он вынес прежде всего, что ветхозаветный Бог – существо на редкость злобное. Мальчику он казался каким-то маньяком, одержимым властью. Поклоняйся ему – или умрешь; принеси ему в жертву сына, чтобы доказать свою преданность; а в награду за все свои старания дождешься лишь того, что Бог отнимет у тебя все, как у Иова, жестоко накажет ни за что – лишь потому, что заключил пари с Сатаной.

Может быть, это и справедливо, размышлял мальчик. В конце концов, Бог создал мир – значит, вправе делать с ним все, что пожелает. И приходить в ярость, если что-то в мире его не устраивает.

В то время мальчик и представить не мог, что знание Библии в будущем сослужит ему хорошую службу.

В детстве, кроме Священного Писания, его увлекали две вещи: автомобили и музыка, особенно регги. Больше всего он любил Боба Марли и группу «Уэйлерс». Однако радиоприемника в доме тоже не было, и послушать музыку удавалось только в школе, по приемнику друга.

До машин добраться было попроще. Жили они на первом этаже, в южном конце одной из крупных байтонских улиц, Олд-Шорхэм-роуд, в тесной квартирке, битком набитой статуэтками святых, иконками и прочими религиозными мелочами. Трижды в день – в шесть утра, двенадцать дня и в шесть вечера – звонил будильник, призывая к молитве. Мальчик часами стоял у окна, глядя на проносящиеся мимо машины, и грезил наяву. Грезил о будущем, когда сам сядет за руль «Порше», «Ламборгини», «Феррари» или «Астон Мартина».

О каждой модели он знал все: цену, максимальную скорость, расход бензина, вместимость бензобака.

Когда ему исполнилось четырнадцать, матери наконец повезло: она выиграла в лотерею. И выиграла немало! Домой пришла, пошатываясь, как пьяная, с остекленевшими от восторга глазами, выхватила из сумочки пачку денег и рассыпала их по полу в прихожей, словно конфетти.

«Это чудо! – твердила она. – Чудо Божье! Сам Господь подтолкнул меня купить билет! И знаете, зачем? Чтобы я наконец-то смогла порадовать своего дорогого мальчика, вознаградить его за все эти годы, когда даже Рождество проходило почти без угощения и без подарков». Да, мол, Бог так и сказал ей во сне: выиграешь – обязательно повези сына в «Диснейуорлд»! Поначалу она сомневалась: все-таки «Диснейуорлд» – место безбожное и полное соблазнов; однако Он настаивал, и не могла же она спорить с Господом!

В общем, когда начались летние каникулы, они полетели в Орландо. В самолете показывали кино на миниатюрных экранах, встроенных в спинки сидений, но мама не разрешила сыну смотреть. Вместо этого дала в руки Библию и велела: читай и молись, благодари Бога и Пресвятую Деву за их щедрый дар. Мысли мальчика блуждали. Даже больше, чем «Диснейуорлд», он мечтал увидеть своими глазами американские машины. Отвлекало его и кино на экране у соседа. Наушников мальчик не надевал, так что не мог слышать, что происходит в фильме, зато хорошо видел героиню то в ночной рубашке, то в купальнике, едва прикрывающем огромные груди. От нее невозможно было оторвать взгляд. Как ни стыдился мальчик, зрелище это страшно возбуждало – и он был рад, что Библия на коленях прикрывала заметную выпуклость у него в штанах.

В такси по пути из аэропорта он прилип к окну, пожирая глазами блестящие на солнце легковые автомобили и грузовики. Особенно интересовали его автомобили с мощными двигателями: «Камаро», «Корветы», «Мустанги» и «Файербёрды», а также массивные и мощные грузовики, прежде всего «Мэки». В первый раз он своими глазами видел «Мэки» – и пожирал их взглядом, счастливо улыбаясь при виде огромных рожков или маскотов, которыми иные водители украшали своих железных коней.

В отеле он стоял рядом с матерью у конторки, терпеливо ожидая, пока она предъявит паспорта и тщательно выведет их имена: Мэриголд Смит и Томас Смит (да, в то время он еще не был Уэсли Венцеславом!). Мимо прошел коридорный в униформе, толкая перед собой блестящую тележку с чемоданами. Томас рассчитывал, что и их чемоданы поедут наверх на тележке, но мама ответила портье: «Нет, спасибо, не надо». А сыну, недоуменно взглянувшему на нее, прошептала:

– Вот еще, ему придется чаевые давать!

Слово «чаевые» она произнесла с таким ужасом, словно речь шла о взятке Сатане.

Томас с нетерпением ждал завтрашнего похода в «Диснейуорлд» и аттракционов, которыми потом можно будет похвастаться перед одноклассниками. Однако у матери были другие планы. Прежде всего – церковь, где они испросят у Бога прощения за то, что решились отдыхать и развлекаться.

– Вы не подскажете нам, где здесь можно помолиться? – поинтересовалась она у портье. – Может быть, где-нибудь неподалеку есть англиканская церковь?

Портье – высокий мужчина в черном костюме – улыбнулся.

– О, вы приехали как раз вовремя! Завтра на городском стадионе Орландо выступает сам пастор Дрю Дуэйн!

– Дрю Дуэйн? – Мать нахмурилась.

– Да, и должен сказать вам, это что-то особенное! Если вы его еще не видели, не упустите свой шанс!

– А он англиканин?

– Не могу сказать, мэм. Но, поверьте, это что-то особенное! Лучший проповедник, какого я слышал! Люди толпами на него бегут! Стадион у нас на восемнадцать тысяч мест, и все билеты уже распроданы. Впрочем, может быть, я смогу добыть для вас парочку... Понимаете меня?

– Что ж, – поколебавшись, заметила мать, – в конце концов, мы приехали сюда за новыми впечатлениями. – Она повернулась к сыну. – Что скажешь? Посмотрим, как молятся в Америке?

Мальчик с сомнением кивнул.

– Ладно. Если мы один раз на отдыхе из любопытства ходим в другую церковь, думаю, Господь простит.

– Разумеется! Вы не пожалеете! Я и сам там буду.

Мать открыла кошелек и протянула портфель десятидолларовую бумажку.

– Хвала Господу! – проговорила она.

– Сердечно благодарю вас, мэм. – Он ловко сунул деньги в карман. – Билеты принесут вам в номер. Хвала Господу!

* * *

На следующий день с утра они отправились в «Диснейуорлд», где, отстояв длинные очереди, Томасу удалось посетить несколько аттракционов, поговорить с Дональдом Даком, Микки Маусом и Плуто. Затем, в два часа дня, перекусив гамбургерами, они поехали на такси на стадион. Хотя пастор Дрю Дуэйн начинал проповедь в шесть вечера, мать сказала, что нужно прийти пораньше и занять места поближе к сцене. Иначе великий проповедник их не увидит, а значит, не увидит и Бог.

Они сели в десятом ряду. Дрю Дуэйн появился уже ближе к семи. В благоговейном трепете Томас следил на огромном экране, как пастор подъезжает к стадиону на белоснежном «Роллс-Ройсе», как хор девушек приветственно машет ему плакатами и флагами и распевает гимн: «О том, что случилось давным-давно...»

Евангелист вышел из машины – и воздух сотрясли приветственные крики. Огромный стадион, встав в едином порыве, вопил и аплодировал, приветствуя Дрю Дуэйна, словно Бога, сошедшего с небес.

Ничего подобного юный Томас прежде не видел. Все это поразило его, а более всего поразила белый «Роллс-Ройс».

В этот миг он понял, зачем живет. Цель его жизни – иметь такую же машину.

Глава 22

Четверг, 23 февраля

Дорога домой была долгой и унылой. Последние два часа Росс провел в пробках: плелся с черепашьей скоростью в темноте, под морозящим дождем. Чертовски устал – и от долгой дороги, и от неотступно жужжащих в голове мыслей.

После разговора с Бенедиктом Кармайклом ему было о чем подумать.

Имоджен лежала на диване перед телевизором, черпая ложечкой из банки мороженое с ирисками – в последнее время она могла есть его в любых количествах. Монти сидел рядом, высунув язык, обливаясь слюной и не сводя глаз с хозяйки.

Росс наклонился и поцеловал жену.

– Ну, как дела?

Взяв пульт, она включила паузу.

– Так себе. На работу сегодня не пошла – очень уж тошнило с утра. Поработала из дома. Вечером стало легче. А у тебя как?

– О, у меня был интересный день!

– Повезло, значит... Кстати, я, раз уж осталась дома, приготовила ужин. Может, за едой все и расскажешь?

– Дай мне полчаса. Хочу кое-что уточнить, пока в голове еще свежо, а потом все тебе расскажу. – Он взглянул на экран с застывшей картинкой. – А что это ты смотришь?

– Старый эпизод «Фрейзера»⁴. Помнишь, тот, с братом, забавный такой?

Росс зашел на кухню, быстро сварил себе кофе и пошел с чашкой наверх.

Как обычно, его ждали десятки электронных писем. Ничего срочного или особо интересного. Отхлебнув кофе, он вернулся мыслями к сегодняшнему разговору с епископом.

«Откровенно говоря, трех наборов координат для доказательства бытия Божия явно недостаточно... Что-то, явно нарушающее физические законы нашей вселенной. Иными словами, чудо».

Что ж, в этом определенно есть смысл.

«Доказательство – враг веры».

Тезис не новый. Росс где-то уже это слышал – и пожимал плечами, не в силах понять логику. Хотя, конечно, для церквей любых деноминаций это отличный аргумент против сомневающихся: «Хочешь доказательств? Да у тебя просто мало веры!» Однако, если верить Куку, недостаток веры и есть причина, по которой Бог решил выйти на связь с человечеством. И предоставить ему доказательство своего существования.

Росс набрал в поисковике фразу «Доказательство – враг веры».

Первой выскочила точная цитата за авторством Томаса Джефферсона. Второй – цитата из Анаис Нин: «Слепо принимая религию, политическую систему, литературную догму, мы превращаемся в автоматы. Перестаем расти».

Росс попробовал другой поисковик – и обнаружил цитату из Генри Адамса, философа XVIII века: «Даже богословы, причем богословы величайшие, даже сам святой Фома Аквинский, не полагались на одну лишь веру, рассуждая о бытии Божьем».

Фома Аквинский, богослов и философ, умерший в 1274 году, говорил, однако, нечто иное. «Тому, у кого есть вера, – писал он, – не нужны никакие объяснения. Для того, у кого веры нет, никакие объяснения невозможны».

⁴ «Фрейзер» – популярнейший американский ситком (1993–2004).

Имя Фомы Аквинского Россу было знакомо. Он даже пытался вникнуть в его учение – тогда, много лет назад, после смерти Рикки, когда отчаянно искал объяснений тому, что произошло с ним в спортзале.

Основная мысль Фомы состояла в том, что всё на свете – наши органы чувств, пищевая цепочка, то, что ныне именуется азотным циклом, и так далее – носит разумный и целенаправленный характер. Все это не могло возникнуть случайно: вселенную явно кто-то создал – создал с определенным замыслом и целью. А замысел и цель – плоды разума. Следовательно, за созданием вселенной стоит Великий Архитектор – Божественный Разум...

Размышления Росса прервал телефонный звонок. На дисплее высветился незнакомый мобильный номер. Поколебавшись мгновение (вдруг ему начнут что-нибудь впаривать на ночь глядя?), Росс взял трубку.

– Росс Хантер слушает.

– Привет, Росс! Это Салли Хьюз с радио Би-би-си, помните меня?

– Привет! – ответил он; от ее голоса сразу потеплело на сердце. – Рад слышать. Как дела?

Очень рад был с вами познакомиться.

Откровенно говоря, Росс был удивлен, что она позвонила; казалось, после стольких интервью в день Салли должна была напрочь о нем забыть.

– И я, – ответила она. – А как вам Гластонбери? Нормально добрались?

– Да, было интересно.

– Я обещала вам поговорить со своим дядей, попечителем фонда Колодца Чаши. Джулиусом Хелмсли.

– Да. И что же?

– Ну вот, спросила его о вашем *друге* докторе Гарри Куке.

– Спасибо, очень мило с вашей стороны.

Поколебавшись, Салли продолжала:

– Боюсь, у меня для вас не особенно хорошие новости. Дядя сразу его вспомнил – и сказал, что это сумасшедший. Несколько недель назад Гарри Кука обнаружили у Колодца Чаши среди ночи с лопатой в руках – пришлось выпроваживать его оттуда с полицией. Потом он, не знаю уж как, раздобыл номера телефонов дяди и других попечителей и принялся названивать им по ночам. Кричал, ругался, твердил, что они должны помочь ему спасти мир, а не мешать. А неделю назад заявил дяде Джулиусу, что тот и есть Антихрист!

– Серьезно?

– Абсолютно. Говорю же, больной человек. Может быть, это возрастное – если понимаете, о чем я...

– Понятно, – упавшим голосом проговорил Росс.

– На вашем месте я просто выкинула бы его из головы. Ничего, кроме неприятностей, такое знакомство не принесет.

Росс поблагодарил ее, затем пообещал выйти на связь, если как-нибудь еще окажется в Бристоле, и попрощался.

Снизу послышался голос Имоджен – она звала к столу.

Но Росс ее не слышал.

Он не сводил глаз с рукописи, лежащей на столе, рядом с клавиатурой. Рукописи с телефоном и адресом доктора Гарри Кука на первой странице.

– Росс! – снова позвала Имоджен. – Ужин стынет! Давай скорее, я умираю от голода!

– Еще две минуты, Имо! – крикнул он, затем пододвинул к себе телефон и набрал номер Кука.

После нескольких гудков в трубке послышался старческий голос.

– Мистер Хантер?

– Доктор Кук, – резко начал Росс, – вы не рассказали мне, что пытались вести у Колодца Чаши раскопки. И что вас едва не задержала полиция. А после этого вы досаждали звонками нескольким попечителям фонда.

– Это правда. – В голосе Кука послышался стыд. – Очень глупо с моей стороны. Я так жаждал найти хоть какие-нибудь доказательства, что решил пробраться туда и выкопать Грааль сам. Однако ничего не успел. Лишь пару раз лопатой взмахнул, прежде чем меня остановили.

– Пару раз? А яму выкопать не успели?

– Нет, нет, – в волнении отвечал старик, – ничего не успел! Едва начал, как появился полицейский, и с ним еще какой-то человек, видимо, кто-то из попечителей. Он был очень зол: кричал на меня, угрожал судом за незаконное проникновение...

– Вы говорите правду? – переспросил Росс, думая о наскоро закопанной четырехфутовой яме, которую видел сегодня.

– Чистую правду, клянусь вам! Признаюсь, я вел себя как идиот. Просто потерял самообладание. Эти люди не знают, что за сокровище находится у них под носом, – и, что хуже всего, и знать не хотят! Пожалуйста, поверьте мне, мистер Хантер. Я не сумасшедший. Вы должны мне верить. Они почему-то не хотят пойти мне навстречу!

– Мистер Кук, я только что побывал возле Колодца Чаши. В том месте, на которое указывают координаты, кто-то покопался.

– Что? – потрясенно воскликнул Кук. – Что значит «покопался»?

– Вырыл канаву, довольно большую. Вроде тех, что копают археологи. А потом засыпал землей.

– Какой ужас!

– Не вы? Тогда кому еще вы сообщали координаты?

– Поверьте, мистер Хантер, никому! Абсолютно никому. Только вам – одному в целом свете.

– Может быть, то же послание, что и вы, получил кто-то еще?

Несколько секунд Кук молчал.

– Мне кажется, мне сообщили бы об этом.

– Есть идеи?

– Мистер Хантер, даю вам слово: кроме вас, я не открывал эти координаты ни одной живой душе! – очень серьезно ответил Кук.

– Но вы сказали, вас застиг полицейский и с ним кто-то еще, видимо, из фонда. Значит, они знают, где вы копали?

– Никому из фонда я координат не давал!

– Это и не требовалось, если они застукали вас прямо, так сказать, на месте преступления.

Кто-то из фонда? Или же Кук врет – и все-таки сообщил координаты кому-то еще? А может быть, это и не такой уж секрет? В конце концов, легенда о Иосифе Аримафейском и Святом Граале известна всем и каждому...

– Мистер Хантер, страшно даже подумать о том, что Святой Грааль может попасть в дурные руки! – воскликнул Кук. – Вы поэтому позвонили мне? Чтобы рассказать о раскопках?

– Не совсем. На самом деле я звоню, чтобы отказаться. Простите, но я не тот, кто вам нужен.

– Мистер Хантер, – не раздумывая, воскликнул Кук, – вот тут вы ошибаетесь! Уверю вас, вы именно тот человек! Послушайте, с нашего последнего разговора мне удалось выяснить нечто такое, что наверняка заставит вас передумать. Прошу вас, не отмахивайтесь от меня, не думайте, что я выжил из ума! Дайте мне возможность все объяснить!

– Хорошо, слушаю вас.

– По телефону нельзя. Это слишком важно – и слишком опасно. Нам нужно встретиться. Прошу вас, умоляю, дайте мне шанс! Я понял значение тех цифр и их связь с координатами. Выслушайте меня, и все поймете сами! Наверняка это связано с тем, что вы обнаружили, – с этими раскопками... Прошу, сделайте мне одолжение, выслушайте!

В его голосе звучало настоящее отчаяние – и, должно быть, это поколебало скептицизм Росса. Нет, в правдивость истории Кука он не поверил ни на грош. Просто ему стало жаль старика. А может, журналистский инстинкт подсказал: все-таки выйдет любопытная история. Пусть и не та, что имеет в виду Кук. Почему бы не продать ее «Мейл»? «У Колодца Чаши задержан человек, уверенный, что спасает мир...»

Хантер открыл на компьютере ежедневник. Завтра пятница. Никаких дел нет. Почему бы не встретиться с Куком? Пожалуй, стоит съездить к нему, сфотографировать в домашней обстановке...

– Хорошо, – ответил он. – Давайте завтра я подъеду к вам домой. Где-нибудь с утра, только не слишком рано.

– Уверяю, мистер Хантер, вы не пожалеете! Рукопись привезете с собой?

– Конечно.

Глава 23

Пятница, 24 февраля

Вскоре после одиннадцати утра, продиктовав вслух адрес Гарри Кука и следуя указаниям навигатора, Росс ехал по главной улице симпатичной чистенькой деревушки милях в десяти от Бирмингема.

Вчера за ужином он все рассказал Иможен – и о своей поездке, и о разговорах с Салли Хьюз и с самим Куком. Жена долго не думала. «Брось это дело, – решительно сказала она. – У старика явно крыша протекла. Не стоит тебе с ним связываться, только время зря потратишь».

– Через полторы мили сверните направо, – предложил приятным женским голосом навигатор.

Росс проехал мимо деревенского паба, бензоколонки и небольшого уродливого здания, по всей видимости, какой-то фабрики. Через пару минут впереди показался дорожный знак, полускрытый бурно разросшимися кустами. Росс повернул направо, пересек речку по узкому горбатому мосту, проехал мимо автомастерской, продуктового магазинчика с вывеской: «Свежие яйца! Домашний сыр!», затем поехал под уклон. Навигатор начал обратный отсчет и наконец торжествующе объявил:

– Вы прибыли!

По правую руку, в некотором отдалении от дороги, стоял симпатичный опрятный домик со встроенным гаражом. Лужайка перед домом была в безупречном состоянии, трава зеленела, словно на площадке для боулинга. У дверей гаража, прямо на дороге, стоял белый «Ниссан Микра», который Росс узнал, – на этом автомобиле Кук приезжал к нему неделю назад. Машина тоже блестела чистотой, словно только что из автосалона.

Росс подъехал к дому, припарковал свой «Ауди» позади «Микры» и вышел из машины, с удовольствием потягиваясь. Что-то в последние дни многовато приходится колесить по стране, подумалось ему. Откуда-то издали плыл сладковатый запах дыма, в ванночке для птиц купался воробей. Было определенно свежо. Порадовавшись тому, что на нем парка с флисовой подкладкой и теплые ботинки, Росс запер машину и, неся за лямку тяжелый рюкзак, поднялся на крыльцо. Позвонил. Изнутри дома послышалось мелодичное «динь-динь» – и тишина.

Подождав пару минут, Росс позвонил снова.

Снова никакого ответа.

Он позвонил еще раз и постучал в дверь кулаком.

Мимо проехал и скрылся за поворотом забрызганный грязью «Лендровер Дефендер» с прицепом для перевозки лошадей.

Росс приподнял крышку почтового ящика и заглянул внутрь. В узкой черной щели было пусто.

Кук знал, что он приедет. Обещал его ждать. И номер его телефона у старика есть. Если он куда-то собрался, должен был позвонить, верно?

Росс вытащил телефон, набрал номер Кука – и услышал, как где-то в доме звонит телефон.

После десяти гудков в трубке послышался знакомый голос:

– Здравствуйте, это Гарри Кук. Боюсь, сейчас я не могу ответить на звонок. Пожалуйста, оставьте сообщение и ваш телефонный номер, и я перезвоню вам при первой возможности. Спасибо.

Росс молча нажал на отбой. Он начинал беспокоиться.

Машина Кука здесь.

Снова приоткрыв щель почтового ящика, он громко позвал:

– Доктор Кук! Вы дома?

Нет ответа.

Журналист решил обойти дом и взглянуть на него сзади. Обогнув невысокий куст лаванды, подошел к боковому окну, заглянул туда – и застыл на месте.

В доме царил разгром.

Гостиная со старым телевизором, электрокамином, диваном и двумя креслами, массивным шкафом орехового дерева и фотографиями на стенах выглядела так, словно по ней прошел ураган. Диванные подушки разорваны и разбросаны по полу. Вспороты и спинка дивана, и спинки и сиденья кресел. Дверцы шкафа распахнуты, содержимое его валяется рядом на ковре. У небольшого деревянного бюро в дальнем углу комнаты тоже открыты и вывернуты все ящики.

Как видно, старика ограбили, понял Росс, – и совсем недавно. Сегодня утром. Но где же он сам?

Новая мысль обдала его ледяным холодом: грабитель – или грабители – могут быть все еще в доме.

Позвонить в полицию?

Но тогда придется объяснить, зачем он здесь. И тогда прости-прощай то, что старик хотел ему рассказать или показать.

Покрепче перехватив тяжелый рюкзак, словно импровизированное оружие, Росс быстрым шагом прошел мимо трех мусорных бачков с разноцветными крышками и достиг задней части дома. Здесь имелась пристройка – веранда с большими стеклянными дверьми. Задний двор содержался в том же безупречном порядке и чистоте, что и лужайка перед домом: зеленая трава, невысокие клумбы с оградками, крохотный прудик, и над ним деревянная беседка.

Росс перехватил рюкзак и громко забарабанил в двери. Тишина. Выждав немного, он толкнул стеклянную дверь. Та легко отворилась. В тот же миг комок рыжего меха стрелой пронесся мимо него и скрылся в саду. Кот Кука, понял Росс.

Он шагнул на веранду. Здесь стояла пара плетеных стульев, и на плетеном столике с круглой стеклянной крышкой лежали идеально ровной стопкой журналы по садоводству.

– Доктор Кук! Вы здесь? – громко позвал Росс.

Только тиканье часов было ему ответом. А секунду спустя раздался звон. От неожиданности Хантер подпрыгнул – часы ударили один раз. Половина двенадцатого.

Он снова позвал, держа наготове рюкзак.

И снова молчание, нарушаемое лишь громким тиканьем часов.

Росс двинулся вперед, нерешительно вошел на кухню, тоже разгромленную. Здесь были распахнуты все шкафы и шкафчики, на полу – груды осколков, повсюду рассыпаны чай, кофе, сахар и мука.

На столе стыл недоеденный завтрак, рядом – пакет кукурузных хлопьев и кувшин молока. На подставке для яиц стояли два яйца всмятку, нетронутые, с аккуратно срезанными вершинками. И чашка чая, полная до краев. Деревянный стул был отодвинут, словно Кук торопливо встал из-за стола – и уже сюда не вернулся. Второго стула, как ни странно, за столом не было.

Все больше нервничая, Росс огляделся в поисках какого-нибудь подходящего оружия. Увидел в углу тяжелую кочергу, взял в руки, взмахнул, примериваясь. Снова прислушался – никого и ничего. Подошел к столу, сунул палец в чай – совершенно холодный. Потрогал яйца – то же самое. Очевидно, Кук встал из-за стола не меньше часа назад – а скорее, часа два-три назад, если не больше.

Он вышел в прихожую и еще раз громко позвал:

– Доктор Кук! Вы здесь?

Тиканье дедушкиных часов на стене было ему единственным ответом. С противоположной стены на Росса смотрела надпись в рамке: «Остановитесь и познайте, что Я – Бог»⁵.

В доме стоял душноватый запах застоявшейся пыли, напомнивший ему о визитах к дедушке и бабушке в детстве, – запах дома, в котором живут только старики и кошки.

В прихожей имелись три двери. Первая – в спальню с двуспальной кроватью. Здесь тоже все было перевернуто, матрас вспорот в нескольких местах, вся одежда из шкафов валялась на полу. Вывернуты и ящики обеих тумбочек по сторонам кровати.

Следующая открывалась в небольшой кабинет с письменным столом и стулом. Под столом виднелись вай-фай-роутер и кабель для «Макинтоша», на столе – компьютерная мышь; но самого компьютера не было. Три шкафа также распахнуты, бумаги грудami валяются на полу.

На столе, рядом с аккуратно разложенными полукругом ручками и карандашами, Росс заметил крошечный блокнот для записей, с квадратными листками всего в пару дюймов шириной. Кажется, с листка из такого же блокнота доктор Кук диктовал ему координаты местонахождения Святого Грааля. На верхней странице была заметна небольшая вдавленность, словно от сильного нажима ручки или карандаша: вроде бы длинная изогнутая линия, и рядом какие-то цифры. Росс присел и заглянул в мусорную корзину под столом. Там покоился всего один смятый клочок бумаги. Снова прислушавшись и оглядевшись кругом, он достал бумагу из корзины. Должно быть, это вырванный верхний лист, понял Хантер. И действительно: здесь была вычерчена черной перьевой ручкой изогнутая линия, по очертаниям соответствующая следу на том листе, а рядом стояли цифры, очень напоминающие те, что отдал ему Кук вместе с координатами, – хотя, те же ли самые это цифры, Росс точно сказать не мог:

14 9 14 5 13 5 20 18 5 19 19 20 12

«Что за странная закорючка?» – подумал он с любопытством. Похожа на хоккейную клюшку... Росс сложил листок, убрал его в бумажник, еще раз внимательно оглядел кабинет, но больше ничего примечательного не увидел. Выйдя в холл и снова пройдя мимо часов, открыл последнюю дверь и попал в столовую: стол, четыре стула, посудный шкаф и гравюра на стене – Дворец Дожей в Венеции. Шкаф также был распахнут и перерыт, на полу валялись осколки бокалов.

Россу показалось, что за спиной промелькнула какая-то тень: он резко развернулся, сжимая кочергу. Ничего. Журналист вышел, снова пересек холл и заглянул в разгромленную гостиную. С каминной полки над фальшивым электрическим огнем на него смотрела черно-белая свадебная фотография: молодой Гарри Кук в темном костюме, а рядом милая девушка с темными вьющимися волосами и очень серьезным лицом.

С сильно бьющимся сердцем Росс вернулся на кухню. Снова огляделся – и на этот раз заметил еще одну дверь. Закрытую дверь, которую в первый раз пропустил.

Он повернул ручку и потянул дверь на себя. Она открылась, явив взору крутые деревянные ступени, ведущие вниз, – должно быть, в подвал или в подпол.

– Доктор Кук! – позвал Росс, просунув голову в дверь. – Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Голос его, звенящий от тревоги, прозвучал странно даже для собственных ушей.

Росс нащупал на стене выключатель и повернул. Одинокая голая лампочка на коричневом шнуре залила лестницу светом; ниже, внизу лестницы, включилась еще одна. Росс долго смотрел вниз. Позвонить в полицию?..

Крепко сжимая импровизированное оружие, он начал осторожно спускаться по ступенькам. Оказавшись внизу, на голом бетонном полу, понял, что в подвале хозяин складывал всякий хлам. И здесь все было разбросано и перевернуто.

А потом...

⁵ Пс. 45:11.

О Господи!
Черт! Черт!
Нет!!!

Теперь он понял, почему за кухонным столом не хватало второго стула. Стул был здесь – а к нему примотан серебристой клейкой лентой Гарри Кук, совершенно голый, с ужасом в широко распахнутых невидящих глазах.

Ему заклеили лентой рот. Ладони прибили гвоздями к стене. Подойдя ближе, Росс увидел, что костлявое старческое тело испещрено багровыми следами сигаретных ожогов. Горло перерезано, грудь залита уже подсохшей кровью.

Росс повернулся и бросился бежать вверх. Вылетел из дома на лужайку, и здесь его вырвало. Затем, выхватив телефон, дрожащими пальцами принялся набирать 999 – и трижды тыкал не туда, прежде чем наконец сумел набрать номер. Наконец с облегчением услышал гудок, а вслед за ним – голос оператора.

Глава 24

Суббота, 25 февраля

– Всё уже выбрали? – с улыбкой спросила официантка в переполненном ресторанчике «Лист Карри» на одной из шумных улиц Брайтона.

После секундного раздумья Иможден ответила:

– Мы здесь никогда не выберем – глаза разбегаются. Вот что: принесите нам закуски и основные блюда на ваш выбор! – И она взглянула на остальных. Ходж и Хелен кивнули; Росс словно не слышал, погруженный в свои мысли.

– Росс! – окликнула жена.

Он вздернул голову.

– Извини, я... просто задумался. О вчерашнем.

– Я прошу принести нам закуски по выбору заведения. Согласен?

– Хорошая мысль, – ответил он.

– Отлично! – Официантка просияла. – Нет ли у кого-то из вас аллергии? На что-то такое, что вам нельзя есть? – И она обвела всех взглядом.

– Только на маленьких детей! – скорчила забавную рожицу Хелен, мануальный терапевт с острым и порой «черным» чувством юмора.

– И всё?

– На любую здоровую пищу, – подхватил шутку Ходж, финансовый директор международной складской компании. – Ничего вегетарианского, пожалуйста!

– Поняла, поняла! – Официантка рассмеялась. – Обещаю вам, ни крови младенцев, ни травы в меню не будет!

Когда она отошла, Ходж поднял свою кружку пива «Кобра».

– Ваше здоровье!

Все четверо чокнулись.

– Да уж, досталось тебе вчера... – заговорила Хелен, обращаясь к Россу.

– Ну.

– Ты и сейчас какой-то бледный!

– Плохо спал.

– Ничего удивительного, старина, – заметил Ходж. – Я даже удивился, что ты сегодня решил не отменять посиделки.

– Знаешь, после вчерашнего – особенно после трехчасового допроса в полиции – хочется отвлечься и поскорее вернуться к нормальной жизни.

– А похоже было на те ужасы, что ты видел в Афганистане? – поинтересовалась Хелен. – Хотя ой, извини, о чем я спрашиваю!

– Нет, все нормально. Знаете, я думал, после Афгана меня уже ничем не проймешь. А на поверку... Наткнуться на жертву жестокого убийства здесь, в Англии...

– И что ты чувствовал? – не отставала Хелен, с горящими от любопытства глазами.

– Чувствовал себя на редкость паршиво. – Росс прикончил свое пиво и оглянулся в поисках официанта. – Особенно в полиции, где меня допрашивали три часа и явно видели во мне первого подозреваемого. – Он пожал плечами. – В конечном счете, все это пойдет на мельницу моей истории.

– А что за история? – поинтересовался Ходж, крупный парень со стрижкой ежиком и аккуратно подровненной бородой.

– Поиск доказательства существования Бога. Или, точнее, история о человеке, который верил, что это доказательство нашел.

– А что, у тебя есть такое доказательство? – спросил Ходж.

– Пока нет. Во всяком случае, убедительных доказательств нет.

Ходж саркастически усмехнулся.

– Верующие считают, что Библия написана под диктовку Господа Бога, так? Она – Слово Божие, и всё в ней истинно?

– Вроде бы так. Хотя, признаюсь, уроки религии в школе я предпочитал прогуливать, – ответил Росс.

– Я в свое время прочел ее целиком – и Ветхий Завет, и Новый. И смутно помню, что земля в ней плоская и стоит на какой-то подставке, а в Книге Откровения сказано, что у земли четыре угла. «Видел я четырех ангелов, стоящих на четырех углах земли, держащих четыре ветра земли»⁶. – Он поднял брови. – Если Бог создал мир, неужели он не знает, что земля круглая и никаких углов у нее нет? Похоже, нам предстоит многому его научить!

Росс улыбнулся.

– В Библии много метафор.

– Ага, в детских сказках тоже, – ответил Ходж.

– Росс, а у доктора Кука были дети? – спросила Хелен.

– Да, один сын. Погиб в Афганистане, в провинции Гельманд: убит «дружественным огнем». Наверное, поэтому доктор Кук и заинтересовался мною и тем, что я пишу.

Официантка принесла еще пива.

– А как насчет мотива? – спросил Ходж. – Полиция что-нибудь говорит?

– Нет, – Росс покачал головой.

– Похоже на ограбление, в котором что-то пошло не так, – заметила Хелен.

– Ранним утром? – усомнилась Имоджен, взглянув на Росса. – Он ведь завтракал. Странное время для грабителей.

– На самом деле время достаточно обычное, – ответил Росс. – Так мне сказали в полиции. Грузовик, разъезжающий посреди ночи, может привлечь внимание и вызвать подозрения, а вот утром на него никто внимания не обратит.

– А что взяли? – спросила Хелен.

– Это я и надеюсь выяснить, – ответил Росс.

– Слушай, старина, если хочешь завтра пропустить гольф, то на здоровье, – заметил Ходж.

– Да нет, думаю, разминка на свежем воздухе мне как раз не помешает.

– Уверен?

– На этот раз я тебя обыграю!

– Мечтай-мечтай!

Вся компания рассмеялась; в гольф Ходж всегда выигрывал.

– В десять утра – нормально?

Росс кивнул.

– Отлично, немного развеешься! – заботливо заметила Имоджен.

Хотя он с улыбкой кивнул ей, в душе у него снова роились подозрения. Даже сейчас, на третьем месяце беременности жены, Росс не мог избавиться от неприятных мыслей. Зачем она отсылает его из дома? Хорошая жена заботится о здоровье и самочувствии мужа? Или у нее иные мотивы?

– Значит, все началось с того, что этот человек, доктор Кук, ни с того ни с сего позвонил тебе и сказал, что у него послание от Бога? – заговорила Хелен. – Почему ты просто не закончил вызов?

– Я ведь журналист. Во всем ищу потенциал для интересной истории.

– И теперь, после того, что с ним случилось, – не боишься?

⁶ Откр. 7:1.

– Я боюсь, – вмешалась Имоджен. – Я уже попросила Росса забыть обо всей этой истории. С религией вообще не стоит связываться: кто знает, какие фанатики или чокнутые могут явиться по твою душу...

– Но Хелен права: это могло быть просто ограбление, в котором грабители... немного перестарались, – попытался подбодрить ее Ходж.

– Ну да, конечно! – фыркнула Имоджен. – Он вообще-то не наркодилер, а университетский преподаватель на пенсии. И его пытали. Кто-то очень хотел что-то заполучить.

– Рукопись? – предположил Ходж.

– Не обязательно, – ответил Росс. – В конце концов, бывают и грабители-садисты. Одинокий старик, живет в уединенном месте... Может, им взбрело в голову, что у него где-то есть скрытый сейф.

– Страшно подумать, что могло бы случиться, если б ты их там застал! – Имоджен потянулась к бутылке пива, но остановилась. Ходж подал ей минералку. – С каким удовольствием я бы сейчас выпила! – вздохнула она. – Не могу поверить, что этот бедняга, Гарри Кук, который только в понедельник был у нас, теперь мертв. Замучен до смерти... И все же мне кажется, что это не простое совпадение, а как-то связано с рукописью. С рукописью, продиктованной Богом, о которой ты говорил, что это полная чушь.

– И сейчас так говорю, – вставил Росс.

– Если ее *так* ищут, значит, не все думают, что это чушь? – настаивала жена.

– А в полиции ты рассказал о рукописи? – спросил Ходж.

– Нет.

Имоджен повернулась к нему.

– Ты что-то скрыл от полиции? Это же преступление!

– Если б я рассказал им, они сочли бы рукопись вещественным доказательством и забрали.

– И что с того? – не отставала Имоджен.

– А что ты с ней сделал? – спросил Ходж.

Росс медлил с ответом.

– Только не говори, что она все еще у тебя! – воскликнула Имоджен.

– Имо, я не хочу с ней расставаться. По крайней мере, пока не сделаю копию.

– Так где она сейчас?

– В безопасном месте.

– В каком?

– У нас в гараже. А в понедельник я отнесу ее нашему поверенному и положу в сейф.

– Господи Боже! Ты же сам говорил: это тысяча с лишним страниц полной чуши! Ну зачем ее хранить? Кому она может понадобиться?

– Например, тем, кто замучил Гарри Кука? – с готовностью подсказал Ходж.

– Может быть, его совсем не поэтому убили, – ответил Росс. – О рукописи никто не знал. По крайней мере, насколько мне известно. Сам я рассказал только журналистке Би-би-си в Бристолле, но она совсем не похожа на убийцу.

– И с чего ты взял, что больше никто о ней не знает? – саркастически спросила Имоджен. – Потому что Кук так сказал? А ты ему поверил?

– Знаете, скорее всего, Кук был безобидным сумасшедшим и гнался за иллюзией, – произнес Росс, окинув взглядом своих друзей. – Но – и обратите внимание на это «но» – что, если нет? Что, если он был прав?

– И ты готов рискнуть жизнью, чтобы проверить это? – спросила Имоджен.

Немедленного ответа у Росса не было. И все-таки – то ли он ощущал какой-то долг перед погибшим стариком, то ли просто пиво придало ему храбрости – он чувствовал, что не готов забыть об этой истории.

– Имо, ты ведь знаешь, чем я зарабатываю на жизнь. Копаться в странных и грязных секретах, злить людей – порой влиятельных и опасных людей – это моя работа. Получать угрозы мне тоже уже случалось. Давай так: едва я почувствую, что опасность грозит тебе или малышу, – сразу все брошу.

– Ну, – жена поджала губы, – будем надеяться, ты хотя бы что-то на этом заработаешь!

Глава 25

Воскресенье, 26 февраля

По воскресеньям пастор Уэсли Венцеслав произносил две проповеди: на утренней службе и на вечерней. Каждую – в новой церкви. Методично, по графику, объезжал он все семь своих церквей в Англии, а затем и те, что в Америке. Океан пересекал на «Боинге-737», по Англии путешествовал на вертолете. Оба воздушных судна принадлежали Церкви Уэсли Венцеслава, и у каждого на борту красовалась замысловатая эмблема ЦУВ: крылатая рыба, обвивающая крест.

Пожалуй, больше всего Уэсли любил проповедовать – нести в народ Слово Господне и получать в ответ любовь и обожание паствы. Никогда он не бывал так счастлив, как в те минуты, когда стоял на кафедре, буквально купаясь в восхищении прихожан – разве только когда заходил к себе в свой английский или американский гараж и любовался на ряды белоснежных «Роллс-Ройсов». Или когда выбирал на ночь «ангелов-хранительниц» – благочестивых юных дев из числа паствы, которым предстояло – поодиночке или, чаще, вдвоем – согреть его в постели.

Утро выдалось солнечным и ясным; за окном сияло безоблачное голубое небо, под вертолетом разворачивалась живописная панорама Темзы. Но на сердце у пастора не было обычной радости.

Недоброе предчувствие грызло его душу. Предчувствие – и с ним растущая глубоко внутри темная злоба.

Пока что угроза невелика, думал он. Однако даже ничтожная на вид угроза, если упустить ее из виду, может принести немало бед. Никогда не знаешь, каким образом легкая неприятность обернется катастрофой. В одной из проповедей, которую пастор Уэсли любил время от времени повторять, он использовал изречение далай-ламы: «Если вы считаете себя маленьким человеком, если думаете, что ничего не можете изменить, – значит, вам никогда не приходилось иметь дело с комариными укусами».

Комариный укус – такая ерунда! Почесался и забыл. Но комары переносят малярию, лихорадку Денге и вирус Зика – болезни, от которых можно умереть. Какой по счету укус – сотый или тысячный – окажется смертельным? Так что, полагал пастор Уэсли, комарам не стоит давать шанса. Лучше избавляться от них на полете.

В том числе и от комаров в человеческом облике.

Мир всегда был опасным местом; с сотворения Вселенной в ней идет постоянная борьба между добром и злом. Вспомнить хотя бы, как умерла мать. Стоило ему отвернуться, расслабиться, – несколько секунд, и с ней было покончено. Мать у него отняли – и Уэсли (тогда еще Томас) поклялся, что никому больше не позволит отнять то, что ему принадлежит. Никогда не позволит нанести себе удар, если может ударить первым.

Бог нашел его в глубинах отчаяния, вывел из долины смертной, указал ему путь. Сделал солдатом Своего воинства. Неустанным трудом и энергией пастор Уэсли дослужился до «генерала». И с угрозой для себя и своего дела расправится так, как все генералы на свете – с угрозами для своих армий.

Вертолет вдруг тряхнуло, и пастор Уэсли вздрогнул. В воздухе ему всегда бывало не по себе; приходилось мириться ради удобства воздушного передвижения, а также торжественного впечатления, которое порождали в зрителях торжественно опускающиеся с неба два вертолета. В первом – сам Уэсли, во втором, попроще – его команда: парикмахер, гример, повар и четверо телохранителей. Пастор Уэсли регулярно получал угрозы от фанатиков всех мастей, не разделявших его взгляды на Бога и Библию, и относился к ним очень серьезно. Пожалуй, даже чересчур. Что же касается опасности воздушных полетов... всё в руце Господней. Господь

защитит своего избранника. Быть может, не во всем Он одобряет его образ жизни, но Уэсли не сомневался, что в целом Бог на его стороне.

Вертолет быстро снижался, готовясь приземлиться на взлетно-посадочную площадку в Баттерси. Внизу виднелось множество стоящих вертолетов: с высоты они напоминали хищных насекомых, готовых к прыжку. Таким же хищником чувствовал себя сейчас пастор Уэсли. В груди у него клокотала ярость, и никогда еще проповедь, только что произнесенная перед верующими, не была так далека от его истинных мыслей и чувств.

– Сосредоточьтесь на позитиве, – говорил он. – В жизни слишком много неприятного: к чему о нем думать? Негативные мысли тянут вас вниз, а позитивные помогают воспрять духом и восстать против житейских тягот подобно тому, как Господь наш восстал из мертвых.

Однако в мыслях пастора Уэсли никакого «позитива» и в помине не было.

В кресле напротив сидел невысокий плотный человек с прилизанными темными волосами, вшитом на заказ полосатом костюме-тройке, с розовым галстуком, в блестящих чистой черных лоферах от «Гуччи». Человек этот – управляющий империей Уэсли Венцеслава – носил прозвище Мистер Улыбка: прозвище несло в себе иронию, поскольку улыбался он редко и, мягко сказать, безрадостно. Улыбка его напоминала блеклый луч солнца, с трудом пробивающийся сквозь хмурое зимнее небо. Да и не за улыбки платил ему Уэсли Венцеслав. Он платил за безжалостность, за неусыпное внимание к любой детали, за то, что Мистер Улыбка твердой рукой вел дела и пас подчиненных жезлом железным. И за то, что умел решать проблемы.

Настоящее имя его было Ланселот Поуп⁷, и, впервые встретившись с ним, Уэсли Венцеслав с улыбкой заметил:

– Я просто обязан вас нанять – хотя бы для того, чтобы рассказывать людям, что на меня работает Папа!

Именно Мистер Улыбка сообщил пастору о новой угрозе – передал информацию от одного из верных прихожан, служащего в полиции в Сомерсете.

Сейчас Ланселот Поуп, хмурясь и выстукивая какой-то сложный ритм идеально подстриженным ногтем, изучал новую проповедь пастора Уэсли. Вертел в руках позолоченную ручку «Монтеграппа», порой что-то отмечал или подчеркивал в тексте. Поуп был единственным в Церкви, кому позволялось вычитывать новые проповеди, высказывать по ним свои замечания и даже порой спорить с пастором об их содержании.

– Шеф, насчет вот этого отрывка я не уверен, – сухо проговорил он.

– Какого?

Поуп прочел вслух:

– «Говорю вам: Сатана подстерегает нас повсюду. Сатана – это не разъяренное чудовище с рогами и с вилами. Он ждет вас на прилавках супермаркетов, соблазняя сладостями. Едите без меры конфеты и чипсы – считайте, вы в руках у Сатаны. Он травит вас исподтишка».

– И в чем проблема? Это важная мысль.

– Я думаю о ваших спонсорах.

– А я думаю о наших моральных обязательствах. Здоровое питание – это важно. И модно.

Сейчас это в тренде.

Двое мужчин обменялись долгим взглядом.

Оба знали, что одним щелчком пальцев – одним интервью для газеты или телестудии – Ланселот Поуп способен разрушить всю империю Венцеслава. Но точно так же знали, что он этого не сделает – не зря же Венцеслав ему платит! Поуп не станет резать курицу, несущую золотые яйца. Не станет уничтожать дело, которое уже принесло ему миллионы, а со временем, если все будет идти как идет, подарит ему неслыханное и несказанное богатство. Такое, о каком Поуп в юности не мог и мечтать.

⁷ Поуп (англ. Pope) – папа римский.

Венцеслав знал: этот человек послан ему Богом, чтобы защищать его дело и его самого.

Долго, слишком долго никто его не защищал, никто о нем не заботился. На следующий день после возвращения из «Диснейурлда» в Англию его мать попала под автобус на Олд-Шорхэм-роуд. Начала переходить улицу, не посмотрев по сторонам. Должно быть, заключил коронер на суде, причиной смерти стала смена часовых поясов и усталость после долгого перелета.

После этого юный Томас потерял веру в Бога, а в школе превратился в мятежника. Начал воровать, затем торговать наркотиками. Скоро он обнаружил, что обладает недюжинным обаянием и может убедить кого угодно в чем угодно, – и использовал эту способность на полную катушку. Год спустя у него была в школе собственная сеть наркоторговли из пяти учеников.

Однажды он, разумеется, попался и предстал с повинной головой перед директором школы мистером Коллинзом. Мистер Коллинз был человеком мягким и рассудительным: он заговорил с Томасом ласково, сказал, что соболезнует ему по поводу ужасной трагедии – гибели его матери. Однако, продолжал он, выхода у него нет – Томаса придется исключить.

– Знаешь, Томас, ты на редкость обаятельный парень. Здорово ладишь с людьми. И, мне кажется, в глубине души ты человек хороший, просто запутался. Мне кажется, из тебя может выйти отличный продажник или специалист по пиару. Не губи свое будущее приводами в полицию. Скажи, чем бы ты хотел заниматься в жизни?

– Я, мистер Коллинз, хочу зарабатывать деньги, – не раздумывая, ответил Томас. – Много денег. И ездить на «Роллс-Ройсе» с шофером.

– Вот как?

– Да, так.

– Что ж, Томас, все возможно, если будешь верить в себя и много работать. Этому я и стараюсь всех вас научить. Но, чтобы хорошо зарабатывать, не нужно нарушать закон – достаточно принимать правильные решения.

– Это какие же? Что за правильные решения помогут мне заполучить кучу бабок?

– Я скажу тебе, что сделал бы я, если б хотел стать богачом. Думаю, я занялся бы строительством, или банковским делом, или... – тут он улыбнулся, – или, быть может, основал бы новую религию!

Глава 26

Воскресенье, 26 февраля

Утро выдалось солнечное и ясное – из тех холодных февральских дней, когда на лужи ложится ледок и под ногами похрустывает трава в паутине изморози. Росс и Ходж стояли у первой лунки на поле в гольф-клубе «Дайк».

Со стрессом Хантер всегда боролся физическими упражнениями. Вот и сегодня решил не пропускать игру. Кроме того, он надеялся, что свежий воздух прогонит похмелье. Однако в голове у него неотступно крутились мысли об ужасной судьбе Кука – и еще о двух наборах координат, по-видимому, теперь потерянных для него навеки. Координат, возможно, заинтересовавших кого-то настолько, что ради этой информации неведомые негодяи замучили старика до смерти.

Координат, без которых не выйдет истории.

Росс поставил на землю модную спортивную сумку – рождественский подарок от Имоджен, – и достал оттуда клюшку и мяч. Выпрямился, окидывая взором окрестный пейзаж: поле, соседние луга, деревенские домики вдалеке, одинокую трубу Шорхэмской электростанции, а еще дальше – серо-стальную гладь Ла-Манша. Подбросили монету; первую подачу выиграл Ходж. Он установил на раскисшей влажной земле красную подставку для мяча, положил мяч, затем занял позицию, наклонившись и пружинисто согнув колени. Пару раз на пробу взмахнул клюшкой, шагнул вперед, к мячу, и нанес по нему мощный удар.

Раздался сухой треск. Мяч взлетел в воздух, на мгновение словно растворившись в безоблачном небе, приземлился в добрых двухстах пятидесяти ярдах впереди, в самом центре поля, и покатился по земле.

– Круто! – похвалил Росс. – Классный удар!

– Да, ничего получилось, – горделиво ответил Ходж.

Хантер установил на траве свою подставку и положил на нее мяч. Тот скатился наземь. Росс попробовал снова – и мяч снова упал. Голова раскалывалась, словно через мозг протерли раскаленную проволоку. На третий раз Россу удалось установить мяч правильно.

Он встал в позицию, размахнулся для пробы, затем шагнул вперед, ударил по мячу...

И промахнулся. Клюшка просвистела в воздухе мимо мяча.

– Три-ноль не в твою пользу, – сообщил, закуривая сигару, Ходж. Физиономия у него прямо-таки светилась самодовольством.

Росс размахнулся еще пару раз, снова шагнул вперед и ударил. На этот раз клюшка вонзилась в землю в добром футе от мяча, выворотив пласт дерна с травой.

– Черт! – воскликнул Хантер. – Черт!

Укладывая дерн на место, он заметил, что в очереди за ними стоит группа из четырех игроков, терпение которых явно на исходе.

С третьей попытки ему наконец удалось попасть по мячу – но улетел он недалеко и приземлился в кусты.

У следующих двух лунок Росс показал себя ненамного лучше. Все его мысли по-прежнему занимала смерть Кука.

Затем они уступили место четверке игроков и стали ждать своей очереди.

– А Имоджен что подельывает? – спросил, щелкая зажигалкой, Ходж.

– Говорила, что ходит сегодня в церковь. Примерно раз в месяц она там бывает.

– А ты с ней ходишь?

– Иногда. Чаще всего, когда льет дождь и в гольф не поиграешь, – Росс усмехнулся.

– Слушай, я не пойму, как ты относишься к религии? Знаю только, что шарлатанов-проповедников ты терпеть не можешь!

Росс улыбнулся. Ходж имел в виду его статью-расследование о самых богатых в мире проповедниках-евангелистах, напечатанную в «Санди таймс» пять лет назад. За эту статью пастор Уэсли Венцеслав, руководитель Церкви Уэсли Венцеслава в Англии, даже пытался подать на газету в суд – но отозвал иск, когда газета пригрозила опубликовать в ответ сведения о его судимости.

– Родители наши религиозностью не отличались. А когда мне было четырнадцать, у мамы, которую мы с братом обожали, обнаружили рак. Каждый вечер я молил Бога, чтобы она выздоровела, – но три месяца спустя она умерла. После этого я перестал молиться, да и верить перестал. Дальше папа растил нас один. А я ни во что не верил до двадцати трех лет, когда произошло нечто очень странное – то, что я до сих пор не могу себе объяснить.

– Что же?

– Разве я тебе не рассказывал? Про Рикки, моего брата-близнеца?

– Нет.

– Он погиб. Идиотский несчастный случай. Я был в это время за пару сотен миль отсюда. И в это самое время – как я узнал позже, именно в те самые минуты, когда он умирал – я на минуту или две ощутил с ним невероятно тесную связь.

– Я читал, что у однояйцевых близнецов встречается что-то вроде телепатии...

Росс покачал головой.

– Нет, это было нечто большее. Именно мистический опыт. Трудно объяснить, и, я понимаю, звучит безумно... так что, наверное, не стоит об этом говорить.

– И тогда ты стал верующим?

– Не в Бога, нет. Но начал думать, что в мире есть нечто, нам недоступное. Может быть, полной картины мы не видим.

Ходж выпустил клуб дыма.

– А доктор Кук?

– Что доктор Кук?

– О каком Боге он говорил? Об англиканском, католическом, иудейском, исламском? Может быть, сикхском? Или растафарианском?

– Понятия не имею. – Росс смерил друга задумчивым взглядом. – Ты ведь у нас убежденный атеист, верно?

Ходж кивнул, глядя сквозь клубы дыма, как команда из четырех игроков с черепашьей скоростью движется от лунки к лунке.

– Да, у меня к Богу есть серьезный вопрос. Пожалуй, лучше всего сформулировал его Стивен Фрай – мне очень понравилось, когда я прочел у него об этом. Вопрос такой: на свете существует паразит, живущий только в глазах у детей. Он внедряется ребенку в глаз и прогрызает себе путь наружу. Ребенок при этом слепнет. Единственная цель жизни этого паразита – в том, чтобы лишить дитя зрения. Так вот: если Бог создал мир и все, что есть в мире, какой же сволочью надо быть, чтобы создать такую тварь?

– У некоторых религий есть этому объяснения.

– У любой религии есть какое-нибудь объяснение, почему люди страдают, – и все эти объяснения ни к черту не годятся! Посмотри на наши монотеистические религии. Сколько их! И каждая делится на подразделения. Англикане, католики, сунниты, шииты, сефарды, хасиды... А если посмотреть без предрассудков, в чем между ними разница? О чем все они спорят? Я тебе скажу. О том, у кого круче воображаемый друг!

Росс улыбнулся.

– Что до меня – из всех религий, поклоняющихся единому Богу, христианство мне больше всего по душе. Да, в свое время и оно было не подарок – вспомни хотя бы времена Инквизиции, когда плохих католиков сжигали на кострах. Однако сейчас почти по всему миру,

если не считать Библейского пояса⁸, христианство превратилось в мирную, гуманную, терпимую религию, однозначно полезную для общества.

Очередной из четырех гольфистов установил мяч и нанес удар. Мяч улетел едва ли на пятьдесят футов. С той же черепашной скоростью гольфист вразвалочку потащился к следующей лунке.

– Основной принцип христианства – вера в воскресение, – ответил Ходж. – Две тысячи лет веры в простейший фокус с трупом! – Он снова пыхнул сигарой. – Или у твоего Гарри Кука найдутся аргументы поосновательнее? Знаешь, хорошо, должно быть, верить в Бога. Всегда есть на кого свалить ответственность, есть кого винить, когда на свете случается какое-то дерьмо... Но бога ради, Росс, ты же репортер – и отличный репортер! Ты умеешь видеть вещи такими, как они есть. Давай-ка возвращайся к реальности!

– Ходж, а ты можешь объяснить, почему мы здесь? Как возникла жизнь? Ты читал, что пишет об этом Стивен Хокинг?⁹ Как объяснить существование человечества?

– А зачем? Неужели это необходимо, чтобы наслаждаться жизнью? Чтобы любить свою жену? Чтобы с удовольствием играть в гольф солнечным утром? При чем тут вообще какой-то Бог?

– Может быть, притом что Он все это создал?

– Ладно, тогда кто создал Бога? Можешь ответить? И чего Он от меня хочет – чтобы я поклонялся Ему в ребяческой надежде получить местечко за столом на небесном пиру? Что у Него там, на небесах, камеры слежения и мониторы, на которых высвечивается, сколько раз мы погладили собачку и бросили нищему монетку?

– Ходж, неужели ты никогда не задумывался о том, откуда мы пришли и куда идем? Разве не для этого нужен нам так называемый разум? Разве не прав был Сократ, когда сказал: «Жизнь, о которой не задают вопросов, не стоит того, чтобы жить»?

– Что ты хочешь сказать – если я не задаюсь этими вопросами, значит, мне и жить не стоит?

– Да нет, совсем нет! Просто... просто... – Тут Росс замолчал.

– Ну что же ты? Продолжай.

Но Хантер молчал, вновь пораженный воспоминанием о страшном конце Гарри Кука. А как насчет высшего смысла в его жизни и смерти? Это тоже часть картины, которую мы не видим целиком? Зачем Кук погиб страшной смертью – неужели только для того, чтобы удостоиться нескольких строчек в газетной колонке?

– Ладно, Ходж, позволь задать тебе вопрос. Что могло бы заставить тебя, атеиста, убедиться в существовании Бога? Или, по крайней мере, в существовании Высшего Разума – Создателя Вселенной?

Ходж извлек из сумки клюшку и двинулся к освободившейся лунке.

– Не чересчур серьезный вопрос для воскресного утра?

– Мне нужно знать. Мне важно твое мнение. Что стало бы для тебя абсолютным доказательством?

– Ну... пожалуй, я должен увидеть что-то такое, чему не смогу найти объяснения. Что не смогу объяснить ни другим, ни самому себе. От чего нельзя будет отмахнуться, сочтя это ловким трюком.

– Например?

– Не знаю. Например, если за приливом не наступит отлив... Хотя это можно списать на затмение или что-нибудь подобное.

⁸ Библейский пояс – регион в США, в котором одним из основных аспектов культуры является евангельский протестантизм. Ядром Библейского пояса традиционно являются южные штаты.

⁹ Стивен Уильям Хокинг (1942–2018) – английский физик-теоретик, космолог, писатель.

- То есть, если солнце однажды взойдет на западе, ты поверишь в Бога?
 - Не уверен, – Ходж пожал плечами. – Первым делом я подумаю, что это какое-то необычное астрономическое явление, которое не смогли предсказать наши астрономы.
 - Тогда что?
 - Например, что-то из области физики, такое, что совершенно точно невозможно. Что-нибудь в таком роде.
 - И если это произойдет?..
- Ходж наклонился и поправил подставку для мяча.
- Росс, друг мой, вернись к реальности! Этого не произойдет никогда.
- Он ударил по мячу. Удар не получился, мяч соскользнул с подставки и запутался в густой траве.
- Вот видишь! – с улыбкой заметил Росс. – Бог наказывает тебя за неверие!

Глава 27

«Этого не произойдет никогда».

Эти слова стали для Пита Стеллоса своего рода мантрой. Он повторял их на каждый вопрос матери, когда же ее сын остепенится, встретит хорошую девушку и подарит ей внуков.

Девушки Пита не интересовали. Впрочем, как и юноши. Сексуальные желания, играющие в человеческой жизни такую огромную роль, оставались ему чужды и непонятны.

Впрочем, как и люди в целом. Пит плохо сходился с людьми, часто не понимал их, да и не нравились они ему. Поэтому всю первую половину жизни он искал себе такую работу, где не приходилось ни с кем общаться. Сначала работал ночным охранником в «Макдоналдсе» в Де-Мойне, штат Айова. Потом решил, что пора ему повидать мир – или хотя бы родную страну, – получил лицензию и стал дальнобойщиком: исколесил всю Америку из конца в конец, перевозя с запада на восток зерно, с востока на запад – новенькие автомобили.

Родители его, греки, ходили в православную церковь. Сам Пит до поры до времени никакого интереса к религии не проявлял. Но однажды, на похоронах двоюродной бабушки, познакомился с дальним родственником по имени Ангус, который оказался монахом. Этот Ангус прожил несколько лет в Греции, в монастыре на святой горе Афон, и очень интересно о нем рассказывал. Рассказы эти пробудили в Пите интерес к религии предков. Об Афоне Ангус говорил с восторгом – однако предупреждал, что жизнь там тяжелая и просто приехать и поселиться там невозможно. Сначала придется долго доказывать, что ты к этому готов. А дальше тебя ждет множество испытаний, труднейшее из которых – одиночество.

Пит слушал – и понимал: наконец он нашел то, что, сам того не зная, искал всю жизнь.

Глава 28

Воскресенье, 26 февраля

Изгнанный из школы Блатчингтон-Миллз за полгода до шестнадцатилетия, Томас Смит, снедаемый желанием поскорее заработать денег, поначалу пренебрег всеми советами доброго мистера Коллинза. Он отправился напрямик к наркодилеру, снабжавшему его марихуаной, экстази и прочими веществами в ассортименте, и нанялся к нему курьером.

Следующие полгода он доставлял по Брайтон-энд-Хоуву разные наркотики, в основном героин – и горя не знал, пока однажды его не взяли на улице с товаром на кармане, на сумму три тысячи фунтов.

Два года Томас отсидел в колонии для несовершеннолетних. И чертовски полезно провел время: завел кучу знакомств и завербовал с десяток дилеров для своей будущей наркоимперии. К девятнадцати годам он уже снимал шикарную квартиру на морском берегу с видом на Ламанш. Стоила квартира недешево, так что осуществить вторую свою мечту – купить шикарный автомобиль – ему удалось не сразу; однако он регулярно откладывал деньги в «фонд Феррари», как называл его про себя – и отложил уже пятьдесят тысяч. А пока ездил на симпатичном черном «Порше» десятилетней давности с заказными номерами.

Но за несколько дней до его двадцатого дня рождения, в пять часов утра входная дверь слетела с петель – и вместе с ней рухнули планы. С криком «ПОЛИЦИЯ! ПОЛИЦИЯ!» в квартиру ворвались шестеро служителей закона.

В квартире они нашли товара на двадцать тысяч фунтов – крэк, героин и еще кое-что по мелочи. Томас не сомневался, что на него стукнул кто-то из конкурентов. Приговор получил суровый – восемь лет, и что особенно обидно, с конфискацией имущества. И «Порше», и пятьдесят тысяч наличными были потеряны навеки.

Спас его Бог. Да, в тюрьме Томас нашел Бога – или, как любил он говорить людям, скорее Бог нашел его. Постоянное чтение Библии в детстве и отрочестве сослужило ему добрую службу. Томас мог цитировать Священное Писание целыми страницами – и быстро обнаружил в себе большие проповеднические способности.

Начальник тюрьмы Хайдаун оказался человеком просвещенным и не стал ему препятствовать – наоборот, создал все условия. Большую часть срока (отсидел он четыре года и вышел по УДО) Томас выстраивал в тюрьме собственную «церковь». Службы вел по воскресеньям в комнате отдыха. В первый же год у него появилось больше сотни постоянных прихожан, к концу второго года – больше двух сотен. Популярность Томаса росла, и дошло до того, что, помимо служб, он начал проводить в столовой после завтрака ежедневные духовные собрания.

А однажды ночью Бог обратился к нему напрямую. «Завязывай с наркотиками! – сказал Он. – Такая жизнь не для тебя. Тебя ждет новый путь – тот, что приготовил для тебя Я. И, чтобы ознаменовать начало новой жизни, возьми себе новое имя, полное блеска и привлекающее людей».

У одного из сокамерников Томаса, по совместительству ревностного его последователя, друг служил в церкви в Тутинг-Бек – и помог с бесплатным использованием одного из пустующих церковных помещений. Через три месяца после освобождения пастор Уэсли Венцеслав – так он теперь себя называл – начал проповедовать Слово Господне в холодном амбаре с голыми, изъеденными ржавчиной стенами, где прихожанам приходилось рассаживаться на шатких складных стульях. Все остальное, как с гордостью говорил он всем, желающим слушать, хвала Господу, уже стало историей...

Вертолет на секунду неподвижно завис в воздухе, а затем устремился вниз. Пару раз его сильно трянуло.

Венцеслав ощутил укол страха. Он прикрыл глаза и начал молиться.

«Господи, помоги мне благополучно приземлиться!»

Снова открыв глаза, взглянул в окно. Посадочная площадка стремительно приближалась; уже хорошо видна была разметка на асфальте.

– Что-то в этот раз неслабо трясло, – заметил Поуп.

Венцеслав посмотрел на него с упреком.

– Или ты не помнишь, что Бог заботится о нас?

Земля быстро приближалась. В последний момент вертолет завис на воздушной подушке – а затем Венцеслав ощутил под собой благословенную твердую землю.

Над головой у него с шумом разрезал воздух вертолетный винт.

Пастор снял беруши; то же сделал и Поуп, затем пригладил волосы и взглянул на свои швейцарские часы.

– Точно по расписанию!

– Хвала Господу! – откликнулся его босс.

Глава 29

Воскресенье, 26 февраля

Вернувшись домой вскоре после двух, Росс обнаружил, что Имоджен нет дома – как и ее машины в гараже. На столе лежала записка. Имоджен сообщила, что отправилась гулять с Монти, вместе с подружкой и ее собакой, и напоминала, что сегодня его очередь готовить воскресный обед.

«Что еще за подружка?» – подумал Росс. Однако то, что Имоджен ушла, было ему на руку. Для обеда он приготовил все еще вчера: осталось включить духовку, поставить туда курицу с картошкой и включить таймер. Затем Росс поспешил наверх. Четверть часа спустя, приняв душ и переодевшись, вошел к себе в кабинет, включил компьютер и открыл «Гугл-Землю». Ввел координаты, полученные от Кука – координаты места, на котором стоял ранним вечером во вторник:

51°08'40»N 2°41'55»W

Того самого места, где, если верить Куку, зарыт Святой Грааль.

В центре лужайки. Хотя две тысячи лет назад на этом месте должно было быть поле, открытое со всех сторон.

«По телефону нельзя. Это слишком важно – и слишком опасно. Нам нужно встретиться. Прошу вас, умоляю, дайте мне шанс! Я понял значение тех цифр и их связь с координатами...»

Что же хотел сказать ему старик? Что так боялся доверить телефону?

Значение цифр, идущих следом за координатами?

Росс достал из бумажника клочок бумаги, найденный у Кука в мусорной корзине, развернул и уставился на странную закорючку, вроде хоккейной клюшки, и цифры, аккуратно выписанные с ней рядом.

14 9 14 5 13 5 20 18 5 19 19 20 12

Должно быть, закорючка как-то связана с цифрами? Некий код? Компьютерный код?

Он вбил цифры в электронное письмо и отослал своему компьютерщику, Крису Диплоку, с вопросом, может ли он пролить на это какой-то свет. Хотя стояло воскресенье, Крис, как обычно, ответил почти сразу:

Да, Росс, это очень похоже на код. Очевидно, какой-то смысл имеют пробелы между числами и их повторы. В Интернете множество сайтов и форумов, посвященных расшифровке кодов. Прилагаю те из них, на которых можно найти что-то полезное.

Дальше шел длинный список ссылок.

Росс подумал было запостить цифры в «Твиттер» и «Фейсбук» и спросить, что думают об этом читатели, но тут же оставил эту мысль. Еще неизвестно, кто начнет отвечать и что будут спрашивать в ответ. Нет, у него есть идея получше!

Несколько лет назад, собирая материал для статьи о компьютерных хакерах, Росс познакомился со странным типом по имени Зак Боккс, непредсказуемым и чертовски интересным. В то время Зак работал на факультете информатики Брайтонского университета, вел ночной образ жизни, на улицу почти не выходил, людей по большей части избегал, а единственными его интересами в жизни были компьютеры и крафтовое пиво. Однажды вечером Росс провел с ним два часа в опустевшем университете: Зак показывал, как взламывать самые секретные правительственные и военные сервера – не только в Великобритании, но и в США и других странах; как, например, перехватывать управление дронами США в Иране – а затем уходить,

не оставляя следов. На следующий день они вместе отправились на фестиваль крафтового пива в мэрии Хоршема и вернулись домой на бровях.

К немалому изумлению Росса, Зак еще ни разу не попался. Сейчас он ушел из университета и вел, так сказать, частную практику – консультировал разные фирмы по вопросам компьютерной безопасности. Росс поддерживал с ним связь, время от времени ездил с ним на фестивали крафтового пива – отчасти потому, что из подвыпившего Зака горохом сыпались интересные истории, отчасти просто потому, что этот парень ему нравился.

Зная, что в такой час хакер, скорее всего, спит, Росс отправил ему мейл: спросил, что могут означать цифры, и предложил как-нибудь встретиться за пивом.

Честно говоря, выпить ему хотелось прямо сейчас. Пятничные события тяжело подействовали на Росса; даже после утра на свежем воздухе в приятной компании Ходжа из головы не выходил позавчерашний ужас. Хантер спустился на кухню, достал из холодильника «Перони», нашел открывашку, открыл и понес бутылку с собой наверх, отхлебывая из нее по дороге ледяную влагу. Сев за стол, невидящим взором уставился на монитор.

Перед глазами у него стоял Гарри Кук, голый, привязанный к стулу.

Черт!

Допустим, жестокое убийство Кука действительно связано со всей этой историей. Что тогда? Бросить расследование?

Имоджен уже напугана. Пора испугаться и ему? Может, прав был Бенедикт Кармайкл: он лезет в дела, в которых ничего не смыслит, и бессмысленно подвергает себя опасности? Стоит ли рисковать жизнью ради призрака? А с другой стороны, ради чего вообще стоит рисковать жизнью?

Вспомнились слова Кука при встрече: «Этот человек продолжал: рядом с ним есть кто-то, у кого для вас послание. Это ваш брат Рикки... Он хочет, чтобы вы доверились мне. И попросил назвать вам два имени: Пушок и Пискаля».

Откуда Кук мог узнать о Рикки? О несчастном случае писали в газетах – допустим, хоть это и было много лет назад; он мог найти заметки в Интернете. А песчанки? О них-то откуда?

И что искали убийцы Кука? Рукопись? Координаты, скрытые где-то на ее страницах? Или все это ложный след и Кука убили обычные бандиты, позарившись на его деньги?

Что такое вычислил Кук – и о чем так боялся говорить по телефону?

Единственная очевидная вещь, которую унесли грабители, – компьютер Кука. Обручальное кольцо его жены нашли в коробочке на полу – так рассказали Россу в полиции. А в открытом ящичке одной из тумбочек в спальне обнаружили две тысячи долларов наличными. Деньги и ценности остались нетронутыми; значит, убийцы искали нечто иное. Информацию о ком-то – или о чем-то?

Мысли Росса снова вернулись к рукописи.

Откровенно говоря, очень не нравилась ему идея хранить ее в доме. Завтра, как он и сказал Имоджен, отвезет ее своему поверенному. Или лучше на склад на Шорхэмской пристани, где они давно, еще во время переезда в новый дом, сняли ячейку для хранения кое-какой мебели и домашней утвари?

Росс набрал в поисковике гору Гластонбери. «Википедия» сообщала, что первая церковь на вершине горы была выстроена в X веке, а затем полностью уничтожена. Нынешние развалины на горе – руины церкви Святого Михаила – остались от следующей церкви, построенной двести лет спустя. А если Иосиф Аримафейский и в самом деле приехал в Англию и привез с собой Святой Грааль, было это за тысячу лет до того, как здесь появились христианские храмы.

Росс продолжал искать информацию. Похоже, во времена Иосифа на этом месте не было никого и ничего, кроме, разве что, самого колодца.

«Если б я хотел спрятать Чашу Грааля, – думал он, – стал бы зарывать ее в чистом поле на склоне холма? Или выбрал бы какое-нибудь более подходящее место?»

Координаты указывали именно «чисто поле» на склоне холма.

А что с другими координатами, которые Кук ему не сообщил? Исчезли. Возможно, навсегда.

Росс не мог отделаться от мысли, что смерть Гарри Кука очень напоминает распятие. Или, скорее, какую-то издевательскую пародию на него.

Он попробовал зайти с другой стороны. «Допустим, я Бог. Я хочу открыть Гарри Куку, где спрятан Святой Грааль. Что, просто дать ему координаты?»

Сколько Росс помнил Ветхий Завет – на *modus operandi* Бога, капризного и порой жестокого, такое решение совсем не похоже. Бог вечно загадывает людям загадки и требует проходить испытания. Легко с Ним не бывает – это Росс хорошо усвоил, хотя Писание читал еще ребенком. Может быть, Он и Куку загадал загадку?

Может быть, Кук собирался рассказать, что разгадал ее?

Тем временем небо за окном потемнело, и по стеклу забарабанил дождь. Росс подумал о толстой пачке исписанных листов, небрежно перехваченных двумя резинками, – и вдруг его охватил страх.

А не стоит ли сжечь чертову рукопись от греха подальше?

И попроситься с ненаписанной статьей?

Грааль там или не Грааль, костяк статьи уже готов. В любом таблоиде ее с руками оторвут. Однако для полноценного материала не хватает еще одного кусочка головоломки – и очень важного.

На экране появился значок почтового конверта – пришел ответ от Зака Боккса.

Росс открыл письмо.

*В следующую субботу пивной фестиваль в Яптоне близ Богнора.
Интересные сассекские верши немецкого светлого. Можем съездить. 14 9 14 5
13 5 20 18 5 19 19 20 12 – видимо, цифровой код. Каждая цифра означает букву
алфавита. Расшифровывается так: девять метров Ю (юг?) П (вернуть?)
Л (налево?). Годится?*

Новая мысль поразила Росса. Он открыл «Гугл»-карты, нашел Колодец Чаши и снова взглянул на закорючку в виде хоккейной клюшки.

Да! Все сходится!

Схватив бумажник, Хантер вышел из «Гугл»-карт и бросился в «Гугл-маркет». Уже нажимая на кнопку «Подтвердить покупку», услышал внизу лай Монти, а затем громкий голос Имоджен:

– Росс, я дома!

– Отлично, я умираю от голода! – прокричал он в ответ. – Курица будет готова через десять минут.

– Как гольф? Ты выиграл?

– Пришел вторым!

В комнату ворвался Монти, распространяя вокруг себя запах мокрой псины; шумно отряхнулся – капли полетели во все стороны, – присел и, оскалившись в собачьей улыбке, преданно уставился Россу в глаза.

– Ну, здравствуй, здравствуй! Хорошо погулял?

Он пощекотал псу живот.

Нормальная жизнь. То, чего ему в последнее время так не хватает!

Однако Росс помнил все – и испытывал возбуждение и нешуточный страх.

Повернувшись к компьютеру, он написал ответ Заку:

Ты гений!

Боккс ответил несколько секунд спустя:

Знаю. А теперь, с твоего разрешения, пойду обратно в кровать. Сейчас для меня еще рановато.

Глава 30

Понедельник, 27 февраля

Монако отлично подходил для его целей. Гористое приморское княжество площадью около двух квадратных километров. С трех сторон граничит с Францией, с четвертой – Средиземное море. Большая часть территории плотно застроена многоэтажными апартаментами. Ни нищих, ни бездомных – куда ни посмотри, богачи, не слишком успешно делающие вид, что вовсе не кичатся своим богатством.

Страна известна как налоговый рай, климат солнечный и теплый, до международного аэропорта в Ницце рукой подать. Но главное не в этом. Главное то, что здесь легче всего сохранять анонимность.

В Монако никогда не знаешь, с кем столкнешься в очереди в супермаркете, – с гонщиком «Формулы-1», русским банкиром, сицилийским мафиозо... или с Большим Тони.

Впрочем, столкнувшись в магазине с Большим Тони, скорее всего, вы машинально отодвинетесь подальше. И дело не в том, что от него воняет или что-нибудь такое – о, совсем нет! Просто этого человека черным облаком окутывает... определенная аура. Неприятная аура.

Прозвище свое Большой Тони получил не за рост. Он был невысоким, щуплым, на вид не слишком примечательным. Бледный – загорать не любил, да и вообще в основном сидел дома, если не считать редких вылазок на мощном мотоцикле по извилистым горным дорогам. Красоты природы Тони не ценил и в четырех стенах чувствовал себя как-то уютнее. Однако был доволен тем, что теперь у него есть выбор – в отличие от долгих-долгих лет, проведенных за решеткой тюрьмы строгого режима в Колорадо. В двадцать шесть лет, попав на кичу, Тони выглядел щуплым и сутулым; сейчас, в шестьдесят три, казалось, съежился и ссутулился еще сильнее. Глаза у него были блеклые, почти прозрачные, но взгляд пристальный и острый, и во всем облике чувствовалась нервозность. Да и было от чего нервничать: немало людей желали с ним посчитаться. Начиная с той парочки гангстеров в тюрьме, что как-то похвастались ему своими подвигами, а он заложил их, чтобы скостить себе срок. Теперь остаток жизни ему предстоит оглядываться через плечо – и заглядывать под днище автомобиля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.